

Гюстав Массе

МОИ ПОНЕДЕЛЬНИКИ В ТЮРЬМЕ

ПАРИЖСКИЕ НРАВЫ
КОНЦА XIX ВЕКА

Гюстав Массе

Мои понедельники в тюрьме

«Автор»

2026

Масе Г.

Мои понедельники в тюрьме / Г. Масе — «Автор», 2026

Париж конца XIX века. За блеском бульваров скрывается другой город — мир убийц, мошенников, карманников и детей, которых тюрьма порой превращает в преступников. Гюстав Масе, бывший начальник парижской сыскной полиции Сюртэ, проводит читателя за стены Маза, Консьержери, Сент-Пелажи, Сен-Лазара и Рокетт. Здесь готовят побег, плетут интриги, обманывают надзирателей и ждут приговора — иногда смертного. Масе рассказывает о громких аферах, жестокости тюремных порядков, преступном жаргоне и судьбах людей, оказавшихся по ту сторону закона. «Мои понедельники в тюрьме» — не вымысел, а свидетельство одного из самых известных французских сыщиков о подлинной изнанке Парижа Прекрасной эпохи. Оригинальное произведение является объектом общественного достояния

© Масе Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	49
-----------------------------------	----

Гюстав Масе

Мои понедельники в тюрьме

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ
МОИ ПОНЕДЕЛЬНИКИ

В ТЮРЬМЕ

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ
МОИ ПОНЕДЕЛЬНИКИ

В ТЮРЬМЕ

Г. МАСЕ
БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК СЫСКНОЙ СЛУЖБЫ

ПАРИЖ
Г. ШАРПАНТЬЕ И К°, ИЗДАТЕЛИ
УЛИЦА ГРЕНЕЛЬ, 11
1889
Все права сохранены

Вам, криминалистам, историкам, физиологам, моралистам, филантропам, врачам, я предлагаю эти исследования. Они принадлежат вам по полному праву. Какие выводы, какие законы, какие средства против зла сможете вы из них извлечь?

Г. МАСЕ

МОИ ПОНЕДЕЛЬНИКИ В ТЮРЬМЕ

I

МЫШЕЛОВКА

Друг префекта. — Тюремный ключник. — Конфликт. — Министерство внутренних дел и префектура полиции. — Тюремный мир. — Публичное нарушение благопристойности. — Пьяный обвиняемый. — Мышеловка. — Тридцать шесть стёкол. — Самоубийство ребёнка. — Ответственность. — Мемеш-пьерёз. — Труп неизвестного. — Устройство тюрем. — Лазарет. — Пища. — Врачи. — Аптекари. — Абсент. — Вор, германский подданный. — Ни побега, ни самоубийства. — Летняя жара. — Директора. — Поклон ниже пояса. — Избитый осуждённый. — Полицейских — в берлогу. — Мои понедельники в тюрьме. — «Приятное общество» в камере. — Патологический случай. — Два комиссара полиции лицом к лицу. — Орден за супружескую неверность. — Парижане и виновные женщины. — Серьёзные и нравственные магистраты. — Несовершеннолетняя танцовщица Оперы. — Психологический момент. — Откровения.

Около двух часов ночи, разбуженный сильным звонком, я поспешно оделся. Посланец префекта явился за мной; я откликнулся на этот вызов и застал главного начальника за доверительной беседой с человеком, который был мне не совсем незнаком.

— Узнаёте моего друга? — спросил меня префект, указывая рукой на этого бывшего чиновника.

— Несмотря на его недолгое пребывание в Управлении, я его не забыл.

— Ему необходимо ваше официальное содействие, чтобы положить конец положению, в котором он постоянно пребывает, и на месте он передаст вам судебные документы, необхо-

димые для ваших действий. Вы задержите, каковы бы ни были их звания, лиц, указанных в ордерах, приложенных к постановлению судьи, и прежде всего не проявляйте никакого снисхождения.

Когда вы закончите установление обстоятельств, вам следует отправиться в комиссариат квартала... и сказать вашему коллеге, что я его жду; это письмо на его имя упростит дело.

Префект взял со своего стола конверт без надписи, запечатанный красным сургучом, и протянул мне.

— Присядьте до самого отъезда, время которого я оставляю за собой право назначить.

Затем он обратился к своему другу с вопросом:

— Ты разрешил разногласие, существующее между министерством и моей префектурой?

— Да, и в твою пользу, только посоветуй директору Ла-Рокетт быть поменьше тюремным ключником. Он оценил это дело по собственной мерке, и ты согласишься со мной, между нами говоря, что из этого маленького человека нельзя извлечь ничего великого.

— Разве что крепкую хватку.

— Если бы она ещё была разумной, осмысленной; но он, по своей печальной привычке, грубо поднял вопрос о первенстве, который уже в различные времена и в административной сфере становился источником конфликтов. Признаюсь, что в качестве арбитра мне пришлось, чтобы решить дело в твою пользу, рассматривать практику, которой следовали до сих пор, скорее как полезное беззаконие, нежели как установленное законом право.

— Напротив, я утверждаю, что среди моих полномочий нет ни одного более прочно установленного. Незаконные средства, о которых ты говоришь, свойственны полиции и не могут быть подробно изложены в текстах законов.

— Я это отлично знаю, чёрт возьми! Потому-то я и не выходил за пределы принципиальных вопросов. Поверь мне, не слишком полагайся на этот успех; за тобой следят, Министерство внутренних дел хочет изменить общий дух, с которым префектура полиции подходит к управлению тюрьмами департамента Сены. Оно желает завладеть этой службой, и под миролюбивой видимостью замысел скрывают, одновременно набивая дела исправительных учреждений документами, предоставляемыми некоторыми директорами, которые тайно содействовали бы этому предприятию.

— С какой целью?

— Избавиться от твоего невыносимого ига, иметь только одного хозяина: министра.

— Мне была неизвестна эта подробность.

— Так ты ничего не знаешь?

— Я префект полиции.

— Этого достаточно.

— Я признаю, что тюремный мир переживает череду тревожных происшествий, а высшая комиссия, подкомиссия и генеральные инспекторы, неизменно находящиеся на чеку, всё ещё ищут средство, которое положило бы им конец. Персонал до сих пор казался мне преданным делу; он, как и все прочие мои службы, находится под постоянным наблюдением, сопровождаемым серьёзным контролем. Я пытаюсь выяснить, происходит ли нынешнее зло от нового внутреннего устройства, от вынужденного совместного содержания заключённых или от смягчений, предоставленных арестантам. Никогда, ты это знаешь, у нас не было столько заседаний, докладов, введённых улучшений, принятых решений, высказанных пожеланий, и вместо появления нравственно исправляющей идеи мы видим, как постыдный тюремный порок бесстыдно выставляет себя напоказ. Восемь дней назад в общей зале Депо трое человек были застигнуты при совершении публичного нарушения благопристойности, и то же самое происходит в других тюрьмах.¹

¹ Извлечение из «Le Droit», газеты судебной хроники, номер от ... ноября 1888 года. ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ СУД ДЕПАР-

Обвиняемые обычно бывают взволнованы, но это волнение, как правило, вызвано приближением судебных прений, в которых им отведена главная роль. В прошлый понедельник один из них, сильно возбуждённый своим состоянием, близким к опьянению, не смог выдержать заседания суда присяжных. Председатель был вынужден отложить дело до следующей сессии.

И после этого ещё утверждают, будто было бы бесчеловечно отказывать в вине людям, лишённым воздуха и свободы.

Директор уверял меня, что видел, как обвиняемый вышел из своей камеры, и последовал за ним по лестнице, ведущей из Консьержери в залы судебных заседаний. Ты знаешь эту лестницу с каменными ступенями, узкую, извилистую, без площадок для отдыха? Так вот! Заключённый поднялся по ней без малейшего колебания. Чем же объяснить его опьянение перед присяжными?

Сегодня мне сообщают о двух самоубийствах: неизвестного в Депо и ребёнка в отделении того же Депо.

— Ты хочешь сказать, в мышеловке?

— Или в «тридцати шести стёклах».

— Я никогда не понимал, почему оба эти названия применяются к этому транзитному помещению, предназначенному исключительно для заключённых, ожидающих явки либо к следственным судьям, либо на скамьи исправительного суда?

— Это по вашей части, господин начальник Сыскной службы, просветите нас:

— С удовольствием. Камеры этой маленькой тюрьмы, о которой публика не знает, расположены под помещениями исправительного суда. Воздух и дневной свет проникают в них через отдушины, искусно скрытые в стенах, выходящих фасадом во двор и на улицу Сент-Шапель. Это отделение Депо построено на том месте, где в 1560 году находилась темница, вырытая ниже уровня Сены, и в которой, согласно преданию, мыши заживо грызли заключённых. Отсюда и её название — «мышеловка».

Из-за скудного света, проникающего внутрь камер, двери застеклены тридцатью шестью маленькими стёклами. На арестантском жаргоне «выйти из тридцати шести стёкол» означает: «Я видел „любопытного“ (судью)» или «Меня приговорили к одному или двум годкам» (годам тюремного заключения).

— Сколько лет было ребёнку, покончившему с собой? — снова спросил друг префекта начальника Сыскной службы.

— Двенадцать лет.

— Известно ли, какая главная мысль внушила ему этот отчаянный поступок?

ТАМЕНТА СЕНЫ(8-я палата)Председательствует г-н ЖиллеЗаседание 22 ноября 1888 годаПУБЛИЧНОЕ НАРУШЕНИЕ БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ, СОВЕРШЁННОЕ В ТЮРЬМЕ. — ПУБЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ДЕЯНИЯ*Нарушение должно считаться публичным, когда помещение (тюрьма), где произошли события, доступно в любое время дежурным надзирателям. Под оскорблением стыдливости следует понимать восприятие непристойного действия одним из органов чувств свидетелей, так что оно воздействует на их сознание и задевает их стыдливость.*Сегодня исправительному суду предстояло судить неких Барлуа и Рикара, содержавшихся в тюрьме Сент-Пелажи; они обвинялись в публичном нарушении благопристойности.Было постановлено слушать дело при закрытых дверях.Мэтры Камаре и Буржуа представили правовые доводы в защиту обвиняемых, оспаривая публичный характер деяния.После открытия дверей суд, по требованию г-на Каба, адвоката Республики, вынес следующее решение:«Принимая во внимание, что из следствия и прений следует, что 24 сентября 1888 года в половине восьмого вечера Барлуа совершил в отношении Рикара, давшего на это согласие, действия, противные стыдливости, в тюрьме Сент-Пелажи, где оба содержались;Принимая во внимание, что нарушение, совершённое в тюремном помещении в присутствии нескольких лиц, чья стыдливость была оскорблена, должно считаться публичным, когда, как в данном случае, помещение, где происходили события, доступно в любое время дежурным надзирателям;Принимая, с другой стороны, во внимание, что под оскорблением стыдливости следует понимать восприятие непристойного действия одним из органов чувств свидетелей таким образом, чтобы оно воздействовало на их сознание и задевало их стыдливость;Принимая во внимание, что в данном случае показаниями Тюилье и Мевенена установлено, что они могли, обмениваясь непристойными словами с обвиняемыми, даже после погашения света мысленно и на слух следить за различными фазами вменяемой в вину сцены;На этих основаниях,Приговаривает Барлуа и Рикара каждого к трём месяцам тюремного заключения и штрафу в 16 франков».

— Страх смерти. Это был пегрио (маленький воришка), пойманный под прилавком, где он спрятался, намереваясь взять деньги из кассового ящика.

Сообщники и содержащиеся вместе с ним арестанты, задержанные по его показаниям, поразили его воображение, передав ему записку приблизительно следующего содержания: «Ты предал товарищей и нарушил своё слово, свои клятвы, ты должен умереть, и мы придём посмотреть, как твоя голова упадёт под ножом гильотины». Эта записка была найдена у его ног; она была датирована тем же днём, и заключённый, должно быть, получил её утром, когда поступил в мышеловку.

Поскольку следственный судья его не допрашивал, до пяти часов вечера он никого не видел. Одиночество, нарисованная красными чернилами гильотина на письме с угрозами, крики «смерть коровам», которые он слышал среди непрерывного шума замков и засовов, должны были потрясти эту хрупкую натуру и вызвать сильное расстройство рассудка, и тогда он повесился, воспользовавшись тесьмой, которой был обшит его скюртук.²

— Можешь сказать мне, на ком лежит ответственность за это самоубийство? — спросил префект своего друга.

После минутного молчания тот ответил:

— На судье, который должен был заняться этим ребёнком, вместо того чтобы оставлять его семь часов подряд в таком месте, а затем на надзирателе — за его небрежность. Оба виновны в одинаковой степени.

— Какое обстоятельство послужило причиной другой смерти?

— Вечная история о незнакомцах, совокупляющихся, словно собаки, в общественных местах для прогулок. Я жду результатов контрольного расследования.

В этот момент вмешался начальник Сыскной службы:

— Если мужчина неизвестен, — сказал он, — то женщину вы знаете, это «пьерёз», и эта пьерёз не кто иная, как «Мемеш», посетительница папаши Люнетта, более готовая к смерти, чем к любви. Вы видели её пьяной, лежащей вдоль сточной канавы на улице Труа-Порт. Во время моего посещения Депо я выслушал её; она, как, впрочем, и всегда, не смогла сообщить никаких сведений о человеке, которого завлекла в окрестностях Люксембургского сада; она только и умеет, что показывать пятифранковую монету и повторять: «Посмотрите на прекрасную луну, это для папаши Люнетта», а затем, тяжело вздохнув, добавляет: «Здесь не продают водки».

Протоколом установлено, что городовые, укрывшись за статуей маршала Нея на перекрёстке Обсерватуар, увидели и засвидетельствовали недвусмысленные действия, совершавшиеся над человеком, которого она называет «своим богатеём».

Я захотел увидеть этого возлюбленного Мемеш, который, не произнеся ни слова, сумел сразу по прибытии в Депо нанести себе смертельную рану тонким острым лезвием маленького перочинного ножа американского производства с рукояткой из слоновой кости.

У этого человека не было при себе документов, но он мог быть известен нашей службе, и я захотел это выяснить. Директор отказал мне в осмотре трупа без распоряжения, подписанного вами.

— Значит, вы не пользуетесь правом ни большого, ни малого доступа в тюрьмы департамента Сены?

— Двери передо мной едва приоткрывают, а на сей раз их упорно держали запёртыми.

Чтобы оправдать своё присутствие во владениях господ директоров, я предусмотрительно запасаясь административными и судебными документами, дающими мне право видеть и выслушивать обвиняемых; таким образом я избегаю споров.

² «Смерть коровам»: вора, который доносит на других, называют коровой, откуда и выражение «смерть коровам».

— Я узнаю, что в этих учреждениях действительно царит брожение, которое всё более усиливается как в Париже, так и в провинции. Повсюду сообщают о происшествиях самого разного рода: это угрозы, отказы повиноваться и, к несчастью, бунты, сопровождающиеся покушениями на убийство надзирателей. Следует ли приписывать это неповиновение недостаткам, присущим устройству тюремной системы, или особенно серьёзной небрежности? Во всяком случае, настало время изучить средства, способные прекратить это брожение.

— Раз уж мы говорим откровенно, позвольте указать вам один путь.

— С удовольствием.

Вступая в должность, всякий префект полиции посвящает свои первые посещения заключённым; поступая иначе, он не исполнил бы своего долга. По примеру ваших предшественников, и даже чаще их, вы старались разобраться во внутреннем устройстве тюрем; вы полагали, что постигли его тайну, поскольку в вашем присутствии двери легко открываются. Осмотрев всё, вы не узнали того, что вам было бы полезно знать, и не увидели того, что должны были увидеть. Так бывает и с государями, и с министрами во время поездок, которым показывают вещи и людей, всегда принаряженных по случаю. Высшим должностным лицам, как и вам самому, тюрьмы показывают в благоприятном свете, а об их посещениях, как и о ваших, неизменно деловых, слишком поспешных и, как правило, сопровождаемых свитой, известно заранее. Внешний вид здания не оставляет желать лучшего; дворы, камеры, лестницы, столовые и коридоры подметены, проветрены и имеют удовлетворительный вид. Положенные по уставу постельные принадлежности содержатся в образцовом порядке, а лазарет, натёртый, вычищенный и блестящий, заставляет вас признать, что гигиенические и санитарные условия в нём хороши. На кухнях вам докажут, что как следует приготовленная пища легко усваивается, и вы добросовестно проглатываете обязательную ложку супа. Вы пробуете такой аппетитный хлеб, кусок которого начальник ваших административных тюремных бюро велит ежедневно подавать себе; правда, он размачивает его в хорошем крепком бульоне или бордоском вине. При выходе вы пожимаете директору руку, поздравляя его с превосходным содержанием учреждения и с тем, как оно управляется. Разве не предоставил он вам все сведения после приёма, лишь с виду неожиданного, а в действительности подготовленного?

Но во время ваших сочувственных посещений, когда до вас не доходит ни одна жалоба, обнаруживали ли вы скрытые злоупотребления, порочные порядки, предосудительные поступки или хотя бы получали ли указания на их существование?

— Никогда.

— Между тем в некоторые дни суп отвратителен, хлеб сомнителен, а недостаточно проваренная пища позволяет заключённым осыпать головы надзирателей градом чечевицы и фасоли.

В лазаретах врачи не отличаются пунктуальностью, особенно по воскресеньям, и, чтобы их поощрить, один из них, несмотря на свою судимость, получил крест Почётного легиона. Большинство аптекарей не имеют дипломов, а заключённые, произвольно выбранные для работы помощниками, вместо того чтобы облегчать труд врачей, невольно отравляют больных.³

Вы, казалось, удивились, узнав, что обвиняемый мог явиться пьяным на заседание суда присяжных; случай этот не редок, поскольку абсент проникает и в тюрьму. Я несколько раз видел в руках заключённых флаконы, наполненные этим напитком, и, чтобы удостовериться, пробовал его.

Кстати о самоубийствах, напомним вам один случай с германским подданным, арестованным в гостинице «Континенталь» в тот момент, когда он похитил бумажник у секретаря

³ Март 1886 года. Восьмая палата исправительного суда приговорила к штрафу в 50 франков некоего господина Б..., аптекаря тюрьмы Маза, который дал заключённому, находившемуся на последней стадии чахотки, ложку щёлочи вместо успокоительного лекарства. Несчастный перенёс страшный приступ. Этот судебный процесс обнаружил, что аптекари, работающие в тюрьмах департамента Сены, как правило, не имеют никаких дипломов.

посольства, проезжавшего через Париж. В бумажнике находились документы, имевшие дипломатическое значение. Вор попытался бежать; потерпев неудачу, он попробовал задушить себя, и по указанию прокуратуры я обратил на него внимание директора. — Вашим надзирателям, — сказал я ему, — не мешало бы установить за этим человеком тщательное наблюдение.

— Знайте, — ответил он мне назидательным тоном, — что из моей тюрьмы не убегают, и я ещё жду первого самоубийства.

— Вы могли бы ещё добавить, что ваши постояльцы так счастливы, что даже просят оставить их здесь, — и, поклонившись, я удалился.

Три недели спустя я узнал о самоубийстве обвиняемого, за которым вскоре последовали ещё две подобные смерти.

Письмо, написанное директором по этому поводу, было удручающим; он просил меня ходатайствовать перед следственными судьями, а из самолюбия, чтобы оправдать небрежность своего персонала и смягчить собственную ответственность, закончил следующими словами: «Что поделаешь, главная вина лежит на летней жаре!»

Большинство директоров ведут себя и важничают как мелкие самодержцы; даже их подлиси претенциозны из-за чрезмерного обилия украшающих их росчерков. Один берёт заключённых и приспособливает их к собственным нуждам. Это человек мягкий. Другой снабжает репортёров заметками и, чтобы облегчить себе доступ в театры, где ставят народные драмы, устраивает в своей канцелярии смотр заключённых. Актёры выбирают себе типажи. Это артист.

Третий, чтобы выставить перед высшим начальством свою энергию, выдумывает мнимые бунты, провоцирует неповиновение, оскорбляя своих постояльцев. Это человек пылкий, весьма суровый, которому недостаёт способности осознать собственное несравненное тщеславие, и это дерзкое тщеславие навлекло на него со стороны моего покойного предшественника, господина Клода, такой удар пониже спины, что несколько дней ему пришлось избегать сидячего положения.

Вместо частного административного расследования, настоящего поединка перьями, бывший начальник Сыскной службы, мало склонный к парламентским приёмам, но сугубо практичный, предпочёл это средство, тем более быстрое, что оно убедительно и остаётся тайной.

Но и это ещё не всё: я присутствовал при отвратительной сцене, разыгравшейся в кабинете одного из таких чиновников.

— Объяснитесь, — живо сказал префект.

— На основании судебного поручения я допрашивал осуждённых, и, поскольку этот директор претендует на право присутствовать при допросах, он без всякой причины грубо обрушился на самого молодого и наименее виновного из заключённых, приведённых на очную ставку. Тот ответил, неправильно, я согласен: «Я так же невиновен, как ваша супруга».

— Ах ты, мерзавец! Негодяй, вор, разбойник, ты смеешь впутывать имя моей жены в свои грязные дела!.. На!.. На!.. И сильные удары ногами и кулаками повалили несчастного юношу на пол.

Потрясённый таким поведением, я поднялся, чтобы схватить этого кулачного бойца, чей гнев уже не знал границ. Внезапная, непредвиденная расправа, учинённая этим администратором над несчастным беззащитным человеком, произвела на меня одно из тех мучительных впечатлений, которые время не стирает; такое не забывается, и я не могу войти в эту тюрьму, не вспомнив страшной, живой картины, свидетелями которой были надзиратели и сотрудники Сыскной службы. Какой странный пример подавал этот начальник своим подчинённым, и без того столь склонным к злоупотреблениям всякого рода! Содрогаешься при мысли о том, какие беззакония могут твориться за мрачными стенами исправительных учреждений.

— Этот директор уволен?..

— Одним из утешений, которые я унесу с собой в отставку, будет то, что я никогда не доносил на сотрудников префектуры полиции и не составлял на них рапортов, если только меня не принуждала к этому дисциплина. Вы первый, кому я рассказываю об этом происшествии из моей судебной практики.

— У избитого оставались на ногах деревянные башмаки?

— Заговорить об этой обуви значило бы указать тюрьму, и вы простите мне молчание, которое я желаю сохранить по этому поводу.

— Вы сказали, что заключённые были осуждёнными, этого мне достаточно.

— Я позволю себе со всем уважением заметить господину префекту, что ввиду большого перемещения арестантов в Париже осуждённые, даже рецидивисты, всегда имеются и в Маза, и в Ла-Санте, и в Консьержери.

— Это верно, и я не настаиваю, но могу ли я спросить вас, каковы ваши личные отношения с директорами?

— Затруднённые, напряжённые. Обычно тюремные служащие проявляют по отношению к муниципальной полиции намеренную недоброжелательность при малейшем случае. Я слышал в тюремных канцеляриях разговоры, содержание которых можно свести к следующему: «Когда мы перейдём в ведение Министерства внутренних дел, мы отправим полицейских в берлогу».

Это даёт представление об их желаниях и отношении к делу.

Письма, адресованные мне заключёнными, перехватывают, читают, снова запечатывают, и они доходят до меня — когда вообще доходят — лишь после нескольких проверок.

Несмотря на моё звание и находящиеся у меня судебные документы, я встречаю такие трудности, что постоянно откладываю момент проведения некоторых проверок. Мне предстоит одна важная, решающая проверка, которая может пролить свет на исполнителей преступлений, недавно совершённых в Париже, и я переносу её с недели на неделю. Между тем прокуратура требует её проведения.

— Где именно?

— В Маза.

— Мы отправимся туда вместе. Назовите мне день и час?

— Каждый понедельник я посещаю тюрьмы, в особенности Маза, где допрашиваю обвиняемых, относительно которых необходимо провести расследования. Я выбрал этот день потому, что суды не заседают, а большинство следственных судей отдыхают или работают у себя дома. В понедельник родственникам разрешено посещать заключённых, и я могу, не теряя времени, расспросить и тех и других; я избавляю полицейских инспекторов и арестантов от расходов на экипажи и разъездов, а главное — предотвращаю побег.

В Депо каждое утро некоторые агенты осматривают лиц, задержанных накануне, которым выгодно скрывать свои подлинные имена и гражданское состояние. Нередко я присутствую при кратком допросе заключённых, и это шествие напоминает волшебный фонарь с преступными физиономиями.

Что же касается той необычной проверки, о которой я вам говорил, то её можно провести лишь после того, как погасят огни, в глубочайшей ночной тишине. Итак, вечер, выбранный вами, станет и моим.

Заглянув в свой ежедневник, префект записал в нём несколько слов и сказал: «В следующий понедельник я буду свободен и неожиданно приеду в два часа, затем в девять, а до того рассчитываю как-нибудь утром застать вас врасплох в Депо».

— Вы избираете именно тот путь, который я хотел вам предложить; внезапные посещения помогут вам увидеть то, чего обычно не видят. После «Приятного общества», которое вы изучали на улицах и которое живёт за счёт общества, подобно щукам в пруду, вы рассмотрите

тех же злоумышленников в камерах, и, если вы хотите правильно их оценить, вам следует, насколько возможно, отказаться в их присутствии от собственного облика.

— Таково моё намерение. Я буду исполнять обязанности секретаря, а вы станете моим, когда я сочту своё вмешательство полезным.

— Думаю, господа, настал час, когда вам следует отправляться, моя карета вас отвезёт, а во избежание нескромных взглядов кучеру приказано остановиться позади церкви Нотр-Дам-де-Лоретт.

Путь был проделан быстро, и в указанном месте экипаж остановился. Друг префекта, по-дружески взяв меня под руку, наконец сообщил мне цель моего поручения. Разговаривая, мы подошли к закрытой лавке, вывеска которой гласила: «Моды» — слово было написано синими хрустальными буквами.

— Мы пришли, — сказал он, — и я особенно прошу вас избежать скандала. Моя жена принадлежит к весьма почтенной семье; она вышла за меня по собственной воле, я приготовил ей спокойную, счастливую жизнь, но особенности её организма вызывали сильные нервные расстройства, заканчивавшиеся тяжёлыми приступами.

Раба своих чувств, которыми она по природе не умеет повелевать, несчастная перестаёт отвечать за свои поступки, и, когда возникают припадки, подобные истерическим, она действует только по собственной прихоти. Это патологический случай.

Она молода, невысока ростом, немного полновата, довольно хороша собой; за десять лет это уже пятый раз, когда она меня покидает, а число её измен и вовсе не поддаётся подсчёту, к счастью, супружеская неверность не приносит потомства.

Я уже давно слышу не слишком строгим мужем; женатые друзья избегают меня, а остальные пользуются своим холостым положением и злоупотребляют моим тягостным положением, которому я намерен положить конец окончательным раздельным жильем. Дело подготовлено, и, чтобы избежать неизбежных проволок и бесполезных споров, мне необходим официальный документ, удостоверяющий преступление супружеской неверности.

Под вымышленным именем она сняла эту маленькую лавку, превращённую в изящно меблированную комнату, где без разбора принимает моих друзей-холостяков и моих политических врагов, не говоря уже о незнакомцах вроде того, которого вам предстоит увидеть.

— В делах о супружеской неверности оскорблённый муж может добиться преследования своей жены, представив в доказательство преступления письма.

— У неё, в отличие от других женщин, нет мономании писать письма, и мне ни разу не удалось завладеть ничем, кроме ничего не значащих записок.

— Её любовники содержат её?

— Нисколько. В прошлом месяце она велела изготовить поддельный ключ и взяла пять тысяч франков из моего несгораемого шкафа.

— Прежде чем действовать, я должен задать вам вопрос: есть ли у вас оружие?

— Мы уже более двух часов вместе; разве я похож на человека, вынашивающего мысли о мести? При мне нет ничего, что могло бы вас встревожить, и я сопровождаю вас лишь для соблюдения формальности.

— У лавки, вероятно, несколько выходов?

— У неё всего один выход; я в этом удостоверился и добавлю, что изнутри нет засова. Вот старый наконечник трости, которым можно будет открыть дверь.

— Ну что ж, всё искусно подготовлено, но как вы узнали, что ваша жена находится в обществе постороннего мужчины?

— У меня есть своя полиция.

— Которая не имеет отношения к нашей?

— Разумеется, поскольку моя жена успешно пользуется ею против меня.

— Вы меня заинтриговали. Войдём.

И, когда я вставил наконечник трости в замочную скважину, дверь без труда отворилась и впустила достаточно дневного света, чтобы можно было увидеть двух человек, лежавших на большой кровати.

— Вы не могли бы получить более убедительных доказательств!

— Я это знал. Эта женщина — моя жена; исполняйте свой долг, а поскольку моё присутствие становится излишним, я удаляюсь.

— Ещё нет, нужно, чтобы она, в свою очередь, узнала вас.

В тот момент, когда я собирался назвать своё звание и причину моего посещения, пара проснулась.

Мужчина, не меньше моего удивлённый тем, что узнал во мне коллегу, произнёс моё имя, а женщина сказала только: «Мой муж!»

Прежде чем он удалился, я попросил друга префекта прислать мне экипаж.

Оставшись с любовником и его возлюбленной, я услышал, как тот обратился ко мне тоном одновременно ироническим и печальным: «Вы должны были меня предупредить, и если ваше рвение побуждает вас застигать товарища на тайной вылазке, то такой приём совершенно лишён деликатности, и меня это тем более удивляет, что прежде вы не давали мне повода судить о вас подобным образом. Я не жалею об утрате своего положения: я молод и холост и сумею восстановить его, но меня охватывает волнение при мысли, что мадам может счесть меня вашим сообщником, хотя я остаюсь её сообщником».

— Избавьте меня от нравоучения, к которому располагают обстоятельства: наш начальник сам этим займётся, а моё поведение оставьте в покое, оно столь же безупречно, сколь мало безупречно ваше. Что же касается моей деликатности, судить о ней вы будете впоследствии, а поскольку вы заговорили со мной в таком тоне, добавлю, что я нахожусь здесь на основании надлежащего судебного распоряжения и получил предписание установить в этой лавке, превращённой в спальню, факт супружеской неверности. Неужели вы станете оспаривать вещественные доказательства?

Судебное распоряжение не называет никаких имён, а в ордере, касающемся соучастника, стоит пометка: «Неизвестный». Этот неизвестный оказался коллегой; как, по-вашему, я мог это предугадать?

— Я попался вдвойне: вместо того чтобы ловить, поймали меня.

— Не понимаю.

— Уже шесть недель у меня имеется такое же распоряжение, как это, датированное вчерашним днём...

— И которое заявитель только что передал мне, когда мы выходили из экипажа.

Искусно задуманная комбинация была исполнена во всей полноте.

— Вы знаете мужа?

— Очень мало.

— Он близкий друг префекта. Они обращаются друг к другу на «ты».

— Ещё со времён адвокатской практики.

— Когда вы познакомились с мадам?

— Два месяца назад.

— Где, когда и каким образом?

— В комиссариате, куда она пришла рассказать мне, что муж велел следить за ней людям из частных агентств. «Вот уже пять раз, — уверяла она меня, — я уйду от него, а он принимает меня обратно; я больше не желаю с ним жить и решила покончить с собой, если меня заставят вернуться в супружеский дом».

В тот вечер я дежурил в Опера-Комик и из галантности предложил ей свою ложу; она согласилась, и вы видите последствия.

Я был знаком с мадам восемь дней, когда получил уведомление явиться в прокуратуру. Помощник прокурора первого отделения передал мне касавшееся её судебное распоряжение, к которому прилагались два ордера.

Желая избавить нас от затруднений, я посоветовал мадам вернуться к своей семье. Она должна была отправиться туда завтра.

— Что вы намерены теперь делать?

— Отвести вас к префекту полиции.

— В ордерах на привод не указано ни одного имени.

— Впишите в них сведения о своей личности и исполните их.

— Вы шутите, дорогой друг, но моё увольнение, несомненно, неизбежно.

— Может быть?

— Это «может быть» предполагает серьёзное сомнение.

— Которое может разрешиться в вашу пользу, если вы сумеете правильно себя повести. Дайте мне вашу карточку, я напишу на ней одну дату и три имени. Преступное деяние, совершённое в этот день первыми двумя названными лицами, похоже на то, ради которого я нахожусь здесь. Тогда крест на груди человека, имя которого стоит третьим, перестанет вас удивлять.

— Это орден за супружескую неверность.

— Никогда не говорите, откуда получили эти сведения, и постарайтесь воспользоваться ими осторожно, в подходящий момент.

Пока шёл этот разговор, нарушительница закона поспешно привела себя в порядок и, усевшись на диван, стала дожидаться окончания происшествия, к которому, судя по её равнодушному виду, её можно было счесть совершенно непричастной.

Когда обычный протокол был составлен, мой коллега попросил свою любовницу поставить под ним подпись.

Она отказалась исполнить эту формальность, сказав: «Мой муж — лучший из людей, но он ничего не понимает в натуралистической супружеской неверности».

— Я тоже ничего в ней не понимаю, мадам, и добавлю: ваш муж прав, называя вас невменяемой, ибо вы, по-видимому, утратили нравственное чувство.

— В известные периоды, — живо ответила она.

Это были последние слова, которыми мы обменялись.

Когда мы прибыли в префектуру, я вспомнил о пакете, который префект поручил мне вручить сразу после исполнения моего поручения комиссару полиции квартала... Этим должностным лицом был не кто иной, как мой арестант. Он вскрыл конверт, в котором находилось письмо с приглашением немедленно явиться в кабинет префекта.

— Можете ли вы по-прежнему сомневаться во мне? — сказал я ему. — Взгляните на конверт: на нём нет адреса, а на листе бумаги указаны дата и час его передачи мне, то есть сегодня на рассвете.

Мой коллега протянул мне руку, и я оставил его вместе с соучастницей в кабинете секретаря префекта, которому передал относящиеся к ним процессуальные документы. Меня вызывали телеграммой прокурора Республики, и мне пришлось отправиться в Вильтанёз, чтобы встретиться со следственным судьёй, которому поручили разыскать виновников таинственного преступления.

Когда я вернулся в одиннадцать часов вечера, меня ожидало письмо, в котором мой коллега среди выражений благодарности рассказывал мне о своём разговоре с префектом.

Вот приблизительное содержание этого письма:

«Приняв меня, высокий начальник без всякого вступления потребовал объяснений моего поведения, которое он предусмотрительно не стал никак характеризовать.

— Оно, — ответил я, — изложено в протоколе моего коллеги, который я подтверждаю как соответствующий истине... Я смиренно ожидаю своего приговора.

Я думал, что, сразу перейдя к делу, избавлю себя от неизбежной проповеди. Она оказалась короткой, изобиловала блестящими риторическими фигурами и закончилась словами: „Характер ваших обязанностей заставляет вас защищать честных людей от воровства и несправедливости, и я сожалею, что судебный чиновник, которому предстоит будущее, на время забыл об этом“.

Как человек выдающийся, гибкий, ловкий и проницательный, он сумел вплести намёки в свою остроумную тираду.

Я воспользовался этим, чтобы намекнуть, что в наше время супружеская неверность рассматривается скорее как преступление против оскорблённого супруга, нежели против общества. Более того, в Англии присяжные уже ставят виновных в довольно приятное положение; они полагают, что супружеская неверность наносит мужу материальный ущерб и что он вправе получить возмещение, более или менее... почтенное по величине, но неизменно принимаемое. „Последнее моё вмешательство, — сказал я ему, — произошло восемнадцать месяцев назад и касалось шестнадцатилетнего мальчика, застигнутого в постели с женой своего хозяина, у которого он учился ремеслу. Этому очевидному преступлению не дали никакого хода. Между тем юноша был несовершеннолетним, а женщине исполнилось сорок шесть лет“.

Сегодня формальности, которые необходимо соблюсти, требуют множества хлопот, вынуждая мужа... удручённого мужа разносить своё несчастье из одного учреждения в другое. Прокуратура требует расследования за расследованием, и комиссар, которого наконец привлекают к делу и который может действовать лишь в установленные законом часы, то есть после восхода и до захода солнца, прибегает к таким мерам только в крайнем случае, отчего установление подобных преступлений становится всё более редким. Само правосудие последовательно смягчает наказания за супружескую неверность, и семейные несчастья никого не интересуют, а уж тем более парижан, которые не любят мужей, отправляющихся застигать своих жён при содействии судебной полиции.

„Парижане, — ответил префект, — слишком благосклонны к виновным женщинам. Что касается последовательных смягчений, то и у них должны быть пределы, и никто до вас не позволял себе заходить так далеко. Ваш случай, к счастью, единичен, я бы даже сказал — единственный“.

Припомнив карточку, на которой вы написали дату и три имени, я ответил:

— Я не смею утверждать, что память господина префекта в эту минуту ему изменяет.

— Продолжайте.

Я повиновался, рассказав историю того префекта, которого собственный комиссар полиции застиг на месте преступления супружеской неверности.

— Я об этом не знал, — сухо сказал высокий сановник.

Этот вопрос протягивал мне спасительную верёвку. Я за неё ухватился.

— Главное управление полиции безопасности, — сказал я, — вместо того чтобы затаить на него обиду, способствовало его продвижению по службе, назначив его центральным комиссаром.

— Стало быть, дело произошло в провинции?

— Я полагал, что уже указал место.

— Вы, оказывается, остроумны, господин комиссар?

— О, лишь в затруднительных обстоятельствах.

— Вроде нынешних, не так ли? Покончим с этим. Отныне вы прекратите всякие, прямые или косвенные, отношения с семьёй господина Икс..., не станете напоминать своим начальникам историю этого провинциального префекта и отправитесь в свой комиссариат ожидать моего решения.

— Какую линию поведения мне следует избрать по отношению к прокуратуре?

— Я сам повидаюсь с прокурором Республики вместе с моим другом, который должен отозвать свою жалобу, когда его жена прибудет к родителям».

В конце письма мой коллега сообщал, что навестит меня на следующий день.

В семь часов утра он явился ко мне домой.

Поговорив о событиях предыдущего дня, он рассказал мне, чтобы дополнить троицу серьёзных и нравственных судебных чиновников, что ему поручено преследовать известную сводницу, обвиняемую в систематическом склонении несовершеннолетних к разврату. Следствие, сказал он мне, поручено судье, которому предстоит вести дело против жены друга префекта, и этот судья только что оказался застигнутым при весьма странных обстоятельствах. Я знаю об этом от единственной свидетельницы, несовершеннолетней девушки, танцовщицы Оперы.

Она по меньшей мере в десятый раз явилась во Дворец правосудия, чтобы дополнить свои показания об активной роли, которую она играла в доме сводницы. Следственный судья велел своему секретарю выйти и попросил юную танцовщицу вместе с ним осмотреть вещественные доказательства — письма, портреты, находившиеся под печатями, а также альбомы непристойных фотографий, изъятых в доме сводницы.

Опечатанные вещи находились в маленькой комнате рядом с кабинетом следователя, куда несовершеннолетняя без труда позволила себя отвести. Беседа была продолжительной и настолько интимной, что глава прокуратуры застал их в самый пикантный момент. Он принёс якобы особое дело, требовавшее срочного ознакомления, а в действительности был предупреждён о поведении этого судьи. Положив дело на стол, он сказал:

«Право же, сударь, вам следовало бы соблюдать осторожность и задвигать засов».

Не растерявшись, тот будто бы ответил: «Это упущение позволило вам прервать откровения. Мадемуазель сообщала мне, что собирается получить ангажемент в Брюсселе, чтобы избежать всякого рода неприятностей».

«Чтобы вывести меня из затруднения и облегчить задачу префекта, который обещал походатайствовать за меня перед прокурором Республики, я был бы вам очень обязан, если бы вы повидались с ним до полудня и побудили его выслушать юную танцовщицу. Она подробно подтвердит ему историю, приключившуюся с моим судьёй».⁴

Провожая коллегу, я посоветовал ему надеяться: непогрешимости не существует ни у людей, ни у вещей, и все мы подвластны влиянию человеческих страстей и порывов.

II

ДЕПО

Старое и новое Депо. — Пистоль. — Залы. — Камеры. — Умалишённые. — Численность заключённых. — Переходной мостик. — Скопления человеческой плоти. — Арестованные. — Этапы. — Полицейский комиссариат. — «Виолон». — «Салатная корзина». — Дежурная служба. — Поступление в тюрьму. — Канцелярия. — Ростомер. — Обыск. — Распределение. — Кажущаяся аристократия. — Зал «маленьких чёрных костюмов». — Режим питания. — Помощники. — Выкликальщики. — Подмены. — Удивительные сделки. — Полиция в казарме. — Белые лошади. — Безумная девственница. — Колибри и Портос. — Двоемужница. — Два мужа. — Мужчины и женщины у позорного столба с прялками и шляпами. — Дети, которых эксплуатируют. — Маленькая цветочница. — Сёстры Марии-Иосифа. — Соблазнительница с улицы Венеции. — Ирма-Беззубая. — Гулящая женщина из ночных ресторанов. — Следственный кабинет. — Вереница преступников. — Величие и падение. — Пьяница и убийца. — Облавы. — От пятидесяти до шестидесяти тысяч постояльцев. — Злоупо-

⁴ Задержанный на мосту одного пограничного города за поступки, не оставлявшие сомнений в его душевном состоянии, он впоследствии умер. (Апрель 1889 года.)

требления при отправке в Депо. — Мятёжные выкрики. — Полицейские комиссары. — Тайные агенты. — Последствия заключения. — Полумрак. — Вечная ночь.

Между массивными, толстыми сводами, среди высоких стен, почерневших от времени и не допускавших побега через них, находились два зала, выходящие в тесные дворы, неподалёку от резиденции префекта полиции и составлявшие то, что называли старым Депо. До 1830 года эти два обширных прямоугольных помещения, холодные, тёмные, сырые, с каменными полами, противоречившие всяким требованиям гигиены и санитарии, служили местом временного содержания людей, задержанных во время обходов и патрулирования. По всему периметру в них стояли откидные нары, именовавшиеся «по образцу Файяра»; утром их поднимали и закрепляли рядом цепочек с висячими замками, так что они превращались в сиденья, на которых арестанты могли расположиться. За небольшое вознаграждение четверо заключённых очищали ночные судна и приносили миски, наполовину наполненные постным бульоном. Эта жидкость и чёрный хлеб составляли пищу арестантов. Платных отдельных камер было немного, и поэтому директору приходилось постоянно заполнять оба зала: один предназначался мужчинам, другой женщинам. Не делая никаких различий между разрядами арестованных, надзиратели набивали помещения заключёнными; людей, привлечённых к ответственности за оскорбления, брань и сопротивление полицейским, помещали вместе с бродягами, нищими и профессиональными ворами.

Если Шатобриану удалось избежать ужасов такого совместного содержания, то лишь потому, что при нём нашлись деньги, необходимые для получения преимуществ пистоли⁵. Сколько выдающихся людей, сколько политических деятелей прошло через это страшное место!

Начиная с 1850 года неудовлетворительное устройство Депо исчезает. Расширяясь, оно подвергается значительным преобразованиям: в него наконец проникают воздух и свет; однако, несмотря на все мыслимые усилия, тень от окружающих зданий навсегда помешает появлению там солнца. Для больных постояльцев и тех, у кого обнаруживаются признаки душевного расстройства, действует прекрасно оборудованный лазарет с отдельным входом. В камерах, расположенных на первом этаже, кровати установлены очень низко. Другие, более многочисленные камеры позволяют изолировать как опасных преступников, так и лиц, арестованных в административном порядке или по судебному предписанию.

Депо, построенное в пределах самого Дворца правосудия, занимает пространство между площадью Дофин и Сент-Шапель. Со стороны набережной Орлож находится мужское отделение, а со стороны набережной Орфевр — женское. Общие залы простираются по обе стороны большой каменной лестницы, обращённой к Новому мосту, и под нею; свет проникает туда через широкие застеклённые проёмы, образующие потолок, но не имеющие ни одной открывающейся створки. Воздух обновляется при помощи вентиляторов. Залы распределяются следующим образом:

ДЛЯ МУЖЧИН

Залы
По норме
Фактически
Нар

Общие
180 заключённых

⁵ Пистоль — на тюремном языке камера, за помещение в которую платят. Прежде вносили по одному пистолю в месяц, то есть десять франков.

250

44

Для стариков

50

70

44

«Маленькие чёрные костюмы»

50

70

28

Для больных

6

6

—

Для заблудившихся детей или детей на попечении

7

7

—

Всего

293 заключённых

403

116

ДЛЯ ЖЕНЩИН

Залы

По норме

Фактически

Для пропавших женщин

32 заключённые

40

Для «девиц»

28

50

Лазарет

8

8

Всего

68 заключённых

98

В мужском камерном отделении имеется десять двойных камер и семьдесят одиночных; в женском их девяносто шесть, из которых четырнадцать заняты сёстрами конгрегации Марии-Иосифа, исполняющими внутреннюю службу; всего получается сто семьдесят две чистые, проветриваемые камеры длиной три метра пятьдесят сантиметров и шириной два метра. Семьдесят восемь из них предназначены мужчинам, восемьдесят две — женщинам, а двенадцать отведены умалишённым обоего пола. Обстановка чрезвычайно скудна: железные кровати, откидные доски, деревянные табуреты, прикрепленные к стене цепью, чтобы у заключённых не возникло желания использовать их против надзирателей. Дневной свет поступает сверху через небольшое верхнее окно-люк. По углам можно увидеть маленькую уборную английского устройства и отопительный прибор, предназначенный зимой для обогрева, а летом — для подачи пригодного для дыхания воздуха. Над столами укреплен газовая горелка; из-за темноты она остаётся зажжённой, можно сказать, почти постоянно.

Обитатель камеры подвергается наблюдению через смотровое отверстие с линзой, расположенное на двери над окошечком.

Когда ему нужно связаться с надзирателем, он приводит в действие сигнал вызова — нечто вроде железной пластинки, которая, опускаясь, издаёт резкий стук, выступает наружу и указывает номер камеры.

Средняя ежедневная численность содержащихся в Депо составляет пятьсот человек; следовательно, невозможно предоставить каждому из них отдельную камеру, и приходится размещать их в общих залах, которые, как известно, вместо двухсот девяноста трёх мужчин вмещают более четырёхсот. В женском отделении переполнение относительно менее заметно. Вместо шестидесяти восьми подследственных женщин там содержат около сотни.

Депо напоминает дом, в котором останавливаются на ночь. Едва камера освобождается от одного жильца, как в неё вселяется другой. За мошенником следует фальсификатор, за фальсификатором — вор, за вором — убийца.

Два самых больших зала, ужасных на вид, особенно по утрам, снабжены переходным мостиком, на котором постоянно находится надзиратель. Защищённый от толчков и ударов, он возвышается над всем, наблюдает и следит за этими горами испорченной человеческой плоти, живыми отбросами, собранными за вечер и ночь на мостовых Парижа и департамента Сены. Эти различные лица, воплощения нищеты и порока, представляют самое странное зрелище. Общий вид, весьма любопытный, поражает и приводит в уныние.

Депо, где никто не работает, служит прихожей для других тюрем; это печальная, но несомненная необходимость, вполне отвечающая смыслу и значению своего названия. Вот почему: если бы это была обычная, а не временная тюрьма, ни один обвиняемый не мог бы быть принят в неё и оставлен там иначе как на основании ордера на арест; но это лишь обширная темница, выстроенная так, чтобы исключить всякую возможность побега, и приспособленная для приёма лиц, временно взятых под стражу, которые в течение сорока восьми часов должны предстать перед следственным судьёй, чтобы либо выйти на свободу, либо быть направленными в одну из парижских тюрем, когда будет установлено их положение с точки зрения уголовного закона. Таким образом, обвиняемые находятся там на временном содержании.

Всякий человек, задержанный на улице, немедленно препровождается стражами порядка к полицейскому комиссару, который составляет обычный протокол со слов агентов. В нём должны содержаться ответ обвиняемого и краткие сведения, необходимые для формирования убеждения судей.

Этот документ составляет первую бумагу судебного производства. По исполнении этой формальности виновника правонарушения направляют в полицейский пост, снабжённый каме-

рами для задержанных, или «виолоннами»⁶, где он нередко по несколько часов дожидается проезда арестантской кареты, известной под названием «салатной корзины»⁷; в полдень, в три часа, в шесть часов вечера и в полночь она перевозит заключённых, доставляя их на набережную Орлож, в Дежурную службу. Само название означает, что эта служба доступна публике днём и ночью. Действительно, там постоянно находится главный инспектор, которому подчинены агенты в штатском платье, и в его обязанности входит давать справки лицам, желающим узнать, заключён ли под стражу тот или иной человек. Только он может знать это с достоверностью, поскольку записывает в ведомость задержанных, которую каждое утро передают префекту полиции, имя и прочие сведения о задержанном, причину ареста и квартал, куда его доставили. По окончании этой работы протоколы и вещественные доказательства, которые можно перевезти, в срочном порядке направляются комиссарам, производящим допросы, а двое служащих ведут арестанта в Депо, передавая в канцелярию следующий документ:

Директор примет такого-то, в возрасте, родившегося в, департамент, и будет содержать его там до особого распоряжения.

Главный инспектор.

На полях предписания о приёме указывается правонарушение, послужившее причиной заключения. Делопроизводитель, действуя по доверенности директора, выдаёт инспекторам расписку и вступает во владение новым постояльцем, которого затем ставят к ростоммеру, где тщательно измеряют его рост, записывают приметы лица, шрамы и особые признаки и заносят всё это в книгу заключённых, каждая страница которой заверена генеральным секретарём префектуры полиции. Генеральный прокурор подписывает только книги регистрации заключённых в следственных тюрьмах.

Когда эта формальность закончена, начинается работа надзирателей; постоялец переходит в их распоряжение, они внимательно осматривают его и заставляют раздеться для установленного обыска, чтобы выяснить, не было ли при осмотре одежды в полицейском посту допущено упущений, которые могли бы представлять опасность. Обувь, головные уборы и вещи подвергаются тщательному обыску, и всё, что могло бы причинить вред самому человеку или его товарищам, сдаётся в канцелярию, как и суммы свыше десяти франков.

После обыска подследственный снова надевает одежду и покидает комнату осмотра в сопровождении надзирателя, который помещает его в камеру или вталкивает в один из общих залов, поспешно захлопывая дверь, чтобы избежать жалоб.

Вновь прибывший пополняет толпу оборванцев, тесно прижатых друг к другу, и новые товарищи нередко встречают его непристойными шутками. Вокруг него собираются группы; через несколько минут происходит слияние с остальными.

В Депо прибывают вперемешку самые разные люди, особенно с полуденным обозом, более многочисленным и пёстрым, поскольку он представляет собой результат облав, проведённых вечером и ночью; в нём находятся люди, которые выходят на улицы и показываются там в часы, когда работающие возвращаются домой отдыхать. Забота о разумном распределении возлагается на директора, который один вправе судить о положении содержащихся под стражей. Если камер не хватает или человек боится тишины и одиночества, директор должен, из соображений приличия, выбрать для него самое чистое место и наиболее подходящую категорию в общих залах, где люди спят одетыми — либо на нарах, либо на соломенных тюфяках, брошенных на пол. Даже в Депо существует видимость аристократии, поскольку приходится разделять обвиняемых на категории по тому, насколько хорошо они одеты, и зал «маленьких чёрных костюмов» служит тем, кто заботится о своей опрятности.

⁶ «Виолон» — игра слов, которой больше ста лет. Так называли место, где стражники заключали арестованных. «Именно в виолоне начинается танец». Припев песни преступников.

⁷ «Салатная корзина» — старинная повозка для перевозки заключённых, построенная из решётчатых стенок.

После обыска вновь прибывший подчиняется режиму питания, одинаковому для всех тюрем департамента Сены. Ежедневно он получает 750 граммов серого хлеба, испечённого накануне в заведении Сен-Лазар. По понедельникам, вторникам, средам, пятницам и субботам ему дают пять децилитров постного бульона и четыре децилитра гороха, фасоли, чечевицы, картофеля или риса. По воскресеньям и четвергам полагается пять децилитров мясного бульона и 125 граммов варёной говядины, которую подают горячей.

Заключённый, у которого есть деньги, может купить в тюремной лавке сверх установленного питания всё, что ему заблагорассудится, и цены на продукты вовсе не чрезмерны. Яйца и сардины стоят по десять сантимов за штуку, сельдь, колбаса и салат — по пятнадцать сантимов; артишоки, кровяная колбаса и сто граммов сыра грюйер или бри стоят двадцать сантимов; а за сорок сантимов можно позволить себе рагу из баранины, называемое «рататуй», в которое входят 150 граммов мяса без костей, 200 граммов картофеля и 10 граммов лука. Этот прейскурант вывешен на двери тюремной лавки и действует также в других тюрьмах.

У надзирателей в подчинении находятся помощники — люди, приговорённые к незначительным наказаниям за проступки, не представляющие никакой серьёзной опасности. Именно они подметают и выполняют грубую работу. В вознаграждение они получают немного денег.

Вслед за помощниками идут добровольные подручные, называемые «выкликальщиками». Такая должность существует только в Депо. Она состоит в том, чтобы помогать надзирателям, проводящим переключки и повторные переключки. Некоторые обвиняемые отказываются откликаться, предпочитая провести зиму в тюрьме, нежели оказаться снова на улице без работы и в ещё более беспомощном положении; тогда прибегают к последовательным переключкам и выбирают в помощь надзирателям, чтобы повторять имена, молодых людей, чей твёрдый, звучный голос способен перекрыть шум. Выкликальщики получают двойной паёк, и их постоянно сменяют, чтобы предупредить всякий сговор с целью подмены лиц — явление, которое легко повторяется благодаря новому закону о преступлениях, обнаруженных с поличным. Случается, что несчастные, преследуемые за нищенство или бродяжничество, за сумму в 20, 30 или 40 франков принимают на себя дело о краже. Вор выдаёт себя за бродягу, а бродяга занимает место вора. На заседании по делам о преступлениях, обнаруженных с поличным, бродяга, мнимый вор, может получить шесть месяцев тюрьмы, тогда как вор, мнимый бродяга, выходит оправданным.

Эти удивительные сделки заключаются в общих залах, и, за редкими исключениями, обязательства исполняются.

Число поступающих в Депо и покидающих его заключённых весьма велико, и непрерывное движение требует от надзирателей предусмотрительных мер. Поэтому побегов можно не опасаться. С восьми до десяти часов утра производится обмен заключёнными с другими тюрьмами; затем необходимо выводить арестантов для доставки на заседания исправительного суда, на фотографирование, в службу Сюртэ. В одиннадцать часов начинается работа Малого паркета; в полдень — следственных судей; а в пять часов производится новый обмен с Маза и Сен-Лазаром.

Я часто присутствовал при прибытии и отправлении специальных карет, обслуживавших эти две тюрьмы.

Однажды утром я заметил префекта, осматривавшего слева от Депо место, предназначенное для новой префектуры, где с 1853 года велось строительство зданий. Он знаком велел мне подойти и, протягивая руку, сказал:

— Господин начальник сыскной полиции, выходят ли окна ваших кабинетов в этот центральный двор? На мой утвердительный ответ он добавил: «Никогда не удастся разместить здесь моё ведомство, участок кажется мне слишком тесным».

— Успокойтесь, — ответил я, — полиция ещё надолго останется в казарменном положении, муниципальный совет сделал её своей пленницей, и её судьба решена: она должна умереть.

В этом, как и во многом другом, ваш коллега из Ратуши с ним согласен. Вот почему работы не продвигаются и ни вы, ни ваши преемники не сделаете это место своей резиденцией. Если префектура, это великое учреждение, против которого партийная вражда направляла столько нападков, всё ещё сохраняет жизненные силы, то этим мы обязаны вам, потому что при любых обстоятельствах вы умеете её защищать; однако она уже не соответствует своей задаче, ибо самое её сердце поражено опасным термитом, который подтачивает её изнутри. Когда корабль гибнет, каждый вправе высказать своё мнение, и часто общее спасение зависит от инициативы самого скромного матроса. Ваши моряки, я хочу сказать — ваши служащие, как правило, из боязни вызвать ваше неудовольствие не имеют смелости указать вам на разрушительную и тайную деятельность этого термита и, по-видимому, пребывают в полном неведении относительно этого разрушения, совершающегося медленно и обнаруживающего своё скрытое дело лишь в тот день, когда здание рухнет, но к тому времени главный виновник уже исчезнет, укрывшись за золотистым «сыром».

— О ком вы хотите сказать?

— О начальнике муниципальной полиции.

— Который является вашим начальником?

— К несчастью для службы, которую он парализует, делая вид, будто чрезвычайно о ней заботится.

— Вы объясните мне это позже, а пока я думаю о присоединении моей будущей резиденции к Депо, что позволило бы удобнее разместить женщин, стариков и особенно детей.

— Эта мысль кажется мне тем великодушнее, что солнечный луч наконец мог бы заглянуть и к ним.

— Что означает этот похоронный катафалк, запряжённый белыми лошадьми, который останавливается у входа в Депо?

— Он увезёт тело двадцатидвухлетней девушки, брюнетки, довольно хорошенькой, умершей спустя два часа после поступления в лазарет вследствие нервного и душевного заболевания. Она жила с бабушкой в скромном доме на улице Реколле в Версале и, восплавав страстной любовью к артиллерийскому лейтенанту, не смогла выйти за него замуж, так как не имела положенного приданого. Офицера перевели в другой гарнизон, она захотела последовать за ним и, поскольку её престарелая родственница противилась отъезду, исчезла, приехала в Париж, и позавчера мой коллега из квартала Сорбонны вынужден был отправить её сюда. Она укрылась в одной из часовен церкви Сен-Северен и не желала её покидать. На все вопросы она отвечала: «Я девственница, достойная его, он придёт. Я его жду». И после минутного молчания, во власти галлюцинации, добавляла: «Обвенчайте нас, вот мой супруг». При этом рукой она указывала на воображаемое существо. Болезнь была тем тяжелее, что она принимала это за действительность.

Разговаривая, мы подошли ближе к Депо, и его ворота отворились, пропуская гроб, за которым шли две женщины в траурных платьях. Старшая положила на гроб венок из белых бусин, а другая — букет цветов померанца. Похоронная процессия, покидая двор и направляясь к набережной Орлож, повстречалась с арестантской каретой, битком набитой женщинами, которые, довольные своим лечением в лазарете Сен-Лазара, распевали припев непристойной песни.

— Всегда этот закон контрастов, — сказал префект и добавил: — Инспекторы, которые сопровождали нас в наших поучительных прогулках по порочному Парижу и которых я вижу беседующими со стражем порядка, тоже последуют за процессией?

— Колибри и Портос?

— Именно.

— О, нет! Они ожидают женщину, обвиняемую в двоемужестве, которая должна находиться в арестантской карете. Эта карета обычно следует за той, которая предназначена

для публичных женщин. Согласно приказу господина генерального прокурора, двоёмужница сегодня утром не сможет ни с кем общаться, и агентам поручено стеречь её до открытия заседания суда присяжных. Женщина, которую вы сейчас увидите выходящей из кареты, представляет собой самый странный, самый сложный тип авантюристки; её жизнь — целая одиссея. Во время многочисленных путешествий она, расточая свои прелести, успела перебрать мужчин почти всех национальностей. Теперь у неё два мужа, которые, в сущности, мужьями почти не являются. Один живёт в Лондоне, другой — в Бордо. В прошлом году на трансатлантическом пароходе, вышедшем из Нью-Йорка, она сумела внушить страстную любовь сыну гаврского судовладельца, который содержит её в княжеской роскоши и позволяет ей помогать своим мужьям. Лондонский довольствуется скромным содержанием, чего нельзя сказать о муже из Бордо, весьма требовательном и старающемся запугать её целой чередой писем, в которых говорится только о мести. Чтобы избавиться от него, она желает добиться признания недействительным второго брака, заключённого в Париже, и сама явилась обвинить себя в двоемужестве, ссылаясь на то, что лишь её первый брак, освящённый в Лондоне, действителен и что английский супруг требует её возвращения. В действительности цель, которой она желает достигнуть, — вновь обрести свободу.

— А пока, — ответил префект, — она находится под стражей и ведёт необычную игру.

— Которую она выиграет. Случаи двоебрачия становятся всё более редкими благодаря формальностям, которыми законодатель обставляет заключение брака, и уголовные суды всегда с колебанием выносят решения по этому правонарушению, за которое статья 340 Уголовного кодекса предусматривает каторжные работы на определённый срок.

Прежняя судебная практика приговаривала мужчин к галерам, женщин — к изгнанию, и тех и других, сверх того, в базарный день приковывали к позорному столбу: мужчин — с двумя прялками, женщин — с двумя шляпами, причём спереди и сзади у каждого висели надписи, сообщавшие причину осуждения.

— Сегодняшняя обвиняемая не подвергнется столь ужасным наказаниям.

Карета, привёзшая преступницу, остановилась, дверь открылась, подножку опустили, и первой женщиной, которую мы увидели выходящей, оказалась двоёмужница. Довольно высокая, с чёрными глазами, высоким лбом, маленьким ртом, из-под поднятых волос у неё выбивались естественные локоны. Стан был тонким, с прогибом в пояснице, а во всём туалете не было ничего экстравагантного.

— Она похожа на порядочную женщину, — сказал префект.

— Только похожа; ум у неё слишком уж заменяет сердце. Это ловкая комедиантка, которая благодаря памяти и бойкости языка прекрасно сыграет свою роль. Присяжные её оправдают, и этот вердикт позволит извлечь из папок Палаты депутатов законопроект о разводе.

Когда Колибри и Портос подошли, я передал им обвиняемую, поручив доставить её к присяжным.

Директор, предупреждённый надзирателем о присутствии префекта, присоединился к нам, и все трое мы вошли в Депо.

Осмотрев мужское отделение, префект подробно обошёл помещения и камеры, предназначенные для детей, пойманных с поличным при краже, бродяжничестве или нищенстве. Среди них он нашёл неисправимых девчонок восьми — десяти лет, болезненных, рахитичных, подобранных на бульварах Монмартр и Итальянцев, где они предлагали посетителям, сидящим на террасах кафе, украсить петлицы цветами.

— Какая судьба, — сказал он, — уготована этим маленьким существам, которых приучили к распутству, нищенству, воровству, лишили сознательного отношения к своим поступкам и развратили дельцы, доходящие в своём варварстве до того, что избивают их, если они не приносят домой денег, достаточных для содержания семьи? Материалы производства по их делам свидетельствуют, что, желая избежать побоев, они охотно позволяют полицейским пат-

рулям себя задерживать. Мой генеральный контролёр уже начал расследования, и я намерен избавить этих детей от эксплуатации, от злоупотребления силой со стороны родителей, друзей или посторонних людей — их хозяев.

Правосудие располагает достаточными средствами против последних; к несчастью, оно наталкивается на отцовскую власть, поскольку Гражданский кодекс стоит на стороне отца и матери.

Недалёк день, когда общество, заменив недостойных родителей, создаст закон для защиты тысяч детей, которые, будучи изъяты из нездоровой среды, смогут стать добросовестными рабочими и честными женщинами.⁸

Родители, не исполняющие своих обязанностей, должны быть лишены своих прав.

— По-видимому, — добавил префект, — из одиннадцати маленьких торговки цветами, схваченных два дня назад возле церкви Мадлен, только одна упорно скрывает своё имя, и я удивлён, узнав, что мои помощники до сих пор не сумели ни разговорить её, ни выяснить место её жительства.

— Никто не приходил за ней, — ответил директор. В то же время он сделал знак маленькой девочке подойти. Она была бледнее и малокровнее остальных девочек, а ноги без чулок выглядывали из старых башмаков с расслоившимися подошвами.

— В донесении, — добавил он, — сказано, что в девять часов вечера в пассаже Пренс её оскорбляли и били братья её соперниц. Ей удалось вырваться, но они всё же гнались за ней по улице Ришельё, через Биржевую площадь, по улице Вивьен; однако, запыхавшись и совершенно выбившись из сил, она внезапно остановилась, чтобы опереться на колонну под портиком Божоле. Ноги больше не держали её, она соскользнула на каменный пол, выронив цветы, ставшие слишком тяжёлыми для её маленьких рук.

Агенты велели дать ей укрепляющее средство, а затем хотели отвести её домой. Она отказалась, отказываясь сообщить какие-либо сведения о себе. Полицейский комиссар отправил её в Депо как неизвестную, обвиняемую в нищенстве.

Префект наклонился и, взяв хрупкую девочку за руки, сказал ей:

— Вы здесь в первый раз?

— Да, сударь.

— Это родители посылают вас просить подаяния?

Мягким голосом она ответила:

— У меня осталась только мама, папа умер в больнице, вот почему я продаю цветы.

— Что делает ваша мать?

— Ухаживает за моей больной старшей сестрой.

— Какая у неё работа?

— Она шьёт брюки.

— Сколько она зарабатывает?

— Двадцать су, а этого недостаточно.

⁸ Извлечение из доклада службы по делам детей, оставшихся без нравственного попечения, представленного префекту департамента Сены при составлении бюджета на 1889 год: «Ребёнок X..., двенадцати лет, найденный без пристанища, направлен судьёй в приют для принятия в отделение детей, оставшихся без нравственного попечения, без каких-либо других сведений, кроме следующих: местожительство отца неизвестно; мать находится в Сен-Лазаре. Расследование показало, что мать, приговорённая к трём месяцам тюрьмы за кражу, разошлась с мужем и живёт в сожительстве; она предаётся пьянству, и нравственность её отвратительна. По окончании срока заключения она является в конторы Общественного призрения, где устраивает скандал, требуя вернуть ей сына, отправленного в провинцию. Об этом случае сообщено господину председателю суда первой инстанции департамента Сены и господину прокурору Республики, которые оба отвечают, что служба по делам детей, оставшихся без нравственного попечения, будучи лишь учреждением попечительства, не может противостоять правам родительской власти и что ребёнок должен быть возвращён матери в соответствии со статьями 372, 374 и 141 Гражданского кодекса. Администрация, вынужденная повиноваться, возвращает ребёнка его недостойной матери с мучительной уверенностью, что сама вновь погрузила несчастного в порок, хотя, оставив его под своей защитой, могла надеяться вырастить из него честного человека».

— Почему вы отказываетесь назвать её адрес?

— Её посадят в тюрьму. А я не хочу, чтобы с мамой случилось что-нибудь плохое.

— Она предпочитает оставить вас здесь?

— Когда сестра поправится, мама придёт за мной.

— А если вашей сестре станет хуже?

Девочка заплакала и сказала:

— Господь Бог этого не допустит.

— Вы верите в Него.

— О да! Он не дал мальчишкам убить меня, и я, как честная маленькая девочка, поблагодарила Его в молитвах.

— Но честные маленькие девочки никогда не лгут и называют адрес своей мамы.

Сильно взволнованная девочка спросила:

— Маму не посадят в тюрьму?

— Обещаю вам, и если всё, что вы рассказываете, правда, я дам ей сто франков, чтобы помочь выздоровлению вашей сестры.

Девочка назвала убогую меблированную гостиницу на бульваре Ла-Виллет, где в тот же вечер действительно нашли бедную вдову, жившую в нищете и не желавшую расставаться со своей тяжело больной старшей дочерью из страха, что та, подобно её мужу, умрёт в больнице.

— Сколько у вас потерявшихся детей? — спросил префект директора.

— Со вчерашнего утра поступило трое, за которыми ещё никто не явился, хотя Дежурная служба и Депо открыты днём и ночью для семей, разыскивающих малышей, потерявшихся в огромном парижском муравейнике; поскольку никто из них не смог сообщить ни своего имени, ни местожительства родителей, у каждого на одежде, посередине спины, пришит номер, позволяющий различать детей и узнавать место, где их нашли.

Войдя в женское отделение после осмотра мужского, директор сказал префекту:

— Насколько шумно в том месте, откуда мы вышли, настолько спокойно здесь. Ковровая дорожка, расстеленная посреди главной галереи, заглушает шум шагов, а порядок и тщательная чистота, поражающие посетителей, свидетельствуют о женской заботе; здесь ходят благоговейно, как в церкви, и по царящей тишине можно было бы подумать, что находишься скорее в монастыре, чем внутри тюрьмы.

— В монастыре, где нет добродетели, — с улыбкой ответил префект, но, заметив в полумраке три покрывала сестры-помощницы — синее, белое и чёрное, поспешил добавить: — За исключением персонала конгрегации Марии-Иосифа, который своей службой заслуживает всеобщее уважение, симпатию и почтение. Он оказывает драгоценную помощь и вам, и вашему коллеге из Сен-Лазара.

— Мы оба заинтересованы в том, чтобы сёстры оставались здесь, и я могу заверить вас, что заключённые этого отделения — как подследственные, так и зарегистрированные и незарегистрированные проститутки — относятся к ним с величайшим почтением. Никогда не бывает никаких замечаний по поводу их чёрных кашемировых платьев и белых чепцов, по краям которых прикреплены ниспадающие складками накидки. У этих святых женщин нет никаких развлечений, кроме часовни, а темнота, особенно густая в этой части Депо, настолько ослабляет их зрение, что они не могут выйти на яркий дневной свет без того, чтобы это не вызвало у них паралич сетчатки, ведущий к слепоте.

— Куда собираются направить эту группу женщин, стоящих неподвижно в несколько рядов?

— Они ожидают прибытия тюремного фургона, который, прежде чем увезти их, должен доставить из Сен-Лазара других женщин, выздоровевших и вновь способных продолжать своё небольшое ремесло под надзором медицинской службы.

И я прибавил, дополняя мысль директора: при содействии административной службы, которая, будучи бессильна искоренить публичный разврат, стремится по крайней мере сделать его чистым и неопасным для здоровья.

— Знаете ли вы, господин начальник Сюртэ, какое нарушение правил полиции нравов совершила вот эта женщина с лицом, покрытым красными прожилками, в жёлтой кофте, с волосами, сбившимися в пучок, и в стоптанных башмаках, словно только что вставшая с постели?

— Это старая беззубая женщина, откликающаяся на благозвучное имя Ирма-Огрызки. В таком наряде завсегдатайка улицы Венеции привлекает своих жертв среди не по годам развившихся учеников ремесленников, которых в этом квартале довольно много; поскольку она ещё слишком молода, чтобы её принудительно поместили в лечебное учреждение, администрация предоставляет ей тюремное пристанище на девять месяцев из двенадцати. Как видите, она спокойна, зная, что особенности её занятия требуют перевода из Депо в Сен-Лазар.

Вы только что сказали: контрасты повсюду; вот новое тому доказательство. Рядом с этой отвратительной мегерой взгляните на измятое шёлковое платье — в него одета гулящая женщина из ночных ресторанов; её шляпа, на которой единственное перо торчит, словно султан, криво надета на растрёпанные волосы; неподвижные глаза и восковой цвет лица придают её измученному облику вид сумасшедшей. Разодетая для удовольствий, она попадает сюда полумёртвой. Когда она вышла из отдельного кабинета, её ошеломил свежий воздух; она была настолько пьяна, что, увидев на бульваре Монмартр двух стражей порядка, совершавших обход, настойчиво и скандальным образом пыталась увести их к себе, предлагая на ужин креветок, оливки и ломтики колбасы, которыми были набиты её карманы. Человек, напоивший эту девушку, ещё ничтожнее её самой. Он известен, ибо она назвала его имя; это кутила из финансового мира, которому доставляет удовольствие спаивать продажных женщин, чтобы затем бросать их на улице. Он избежал преследования за злоупотребление доверием благодаря прекращению дела; но я не теряю надежды увидеть, как он и сам явится поправлять здоровье в тюрьму, носящую это название.

Раздался электрический звонок, возвещавший прибытие партии женщин из Сен-Лазара. Они вошли весёлые, смеющиеся, предъявляя дежурной сестре карточки, перечёркнутые синей или красной чертой, — отличительные знаки их положения зарегистрированных или незарегистрированных проституток. Последних, которым не полагалось жить вместе с остальными, как и подследственных, сразу отводили в камеры.

Обитательница улицы Венеции, завсегдатайка ночного ресторана и другие проститутки покинули тогда Депо, печальные и молчаливые, чтобы занять места своих товарок в перевозочном фургоне, который, наполнившись, вновь направился к исправительному заведению Сен-Лазар.

Прежде чем уйти, префект выразил желание присутствовать при кратких допросах арестованных, особенно тех, кому было выгодно скрывать своё настоящее имя.

Директор проводил его в комнату для допросов, где собрались молодые агенты Сюртэ, способные запечатлеть глазами и памятью облик заключённых, которые могли стать рецидивистами. Бригадир учил их узнавать уже судимых преступников, скрывающихся под вымышленными именами.

Когда вошёл высший начальник, инспекторы поднялись, а допрашиваемый в это время обвиняемый поспешил воскликнуть, бесстыдно глядя на префекта: «Главный мужик⁹, я у него попрошу одолжения».

— Какого? — спросил директор.

⁹ Верховный начальник.

— Дайте мне для забавы соседа по камере, и я выдам товарища¹⁰ «любопытному»¹¹.

— Обратитесь с этой просьбой к моему коллеге из Маза.

— Он мне в прошлом году отказал, подлец.

— Теперь там другой.

— Тем лучше, познакомлюсь с новым, и если он славный парень¹², мы поладим, потому что я не доверяюсь первому встречному, а тем более тюремным стукачам¹³. До свидания, господин бригадир, и удачи вашим сыщикам¹⁴.

— Этот вор, промышляющий кражами из общественных экипажей, — опасный мошенник, — сказал я префекту. Не испытывая ни стеснения, ни стыда, он обладает редким умом и никогда, даже в тюрьме, не ведёт себя как следует. Чрезмерно подозрительный, он старается внушить доверие судьям важными разоблачениями, за которыми скрываются крупные и серьёзные дела, целиком лежащие на его совести... С ним нужно быть настороже: он хитрит даже со своими сообщниками и под видом простодушия изворотлив, как старый стряпчий. Этот преступник знаком с тюрьмами Франции и имел возможность проводить сравнительные исследования различных пенитенциарных систем.

Теперь я займу место бригадира и продолжу допросы. Этот быстрый смотр заключённых — начало работы, которая завершается в Маза, а пока в моём распоряжении имеются только выписки из их дел.

По знаку, поданному надзирателю, дверь комнаты для допросов открылась и пропустила человека, покрытого кровью, грязью и паразитами.

— Опять вы? И в каком состоянии!

— В состоянии нищеты.

— Скажите лучше: распущенности. По рекомендации вашего дяди, талантливого артиста и бывшего директора одного из наших субсидируемых театров, вы получили место канцелярского служащего в префектуре департамента Сены. Дважды за растраты вас приходилось увольнять. Несмотря на эти преступные поступки и благодаря вашим передовым политическим убеждениям несколько весьма оппортунистических муниципальных советников добились вашего третьего восстановления на службе, и я полагал, что вы излечились от своей пагубной страсти.

— Я больше не ворую и вновь приступил к службе, не приступая к ней; то есть числюсь в ведомости и получаю жалованье, не появляясь в канцелярии. Я хотел бы быть богатым, как мой дядя, чтобы работать (так!); но, будучи бедным, я по своей природе не способен ни к какому регулярному и заранее установленному занятию.

— Какие именно кражи он совершал? — спросил префект после ухода заключённого.

— Он забирал редкие книги, хранившиеся в архивах префектуры департамента Сены, и продавал их за бесценок букинистам.

— А по какой причине он теперь задержан?

— Ни по какой. Его схватили во время облавы на Центральных рынках.

После этого паразита, живущего за счёт муниципального бюджета, появился нищий.

— У вас нет средств к существованию?

— Я протягиваю руку.

— Чтобы просить милостыню.

— Это ручной труд.

¹⁰ Донести на товарища.

¹¹ Судья.

¹² Славный парень.

¹³ Тюремные доносчики.

¹⁴ Агенты.

— Не признанный законом.

— Со временем признают, ведь сказано: «Стучите, и отворят вам; просите, и дано будет вам». Ночью я стучусь в двери ночлежных приютов, где мне дают кров, а днём протягиваю руку, чтобы получать подавание.

— Выписки из вашего дела показывают, что при вас нашли избирательную карточку, которая вам не принадлежит.

— Я подобрал её на площади Бастилии.

— Или в кармане пьяницы, с которого вы сняли пальто.

— Откуда вы это знаете?

— Владелец узнал свою одежду в ломбарде, куда её заложили за три франка, предъявив этот гражданский документ.

— Это он сам велел мне её заложить.

— Значит, вы никак не могли поднять эту карточку на улице.

Заключённый удалился, выкрикнув крепкое словечко из пяти букв.

Это слово несколько не испугало следующего вошедшего — высокого, худого человека с безбородым лицом, на котором от уха до уха тянулась отвратительная гримаса; он воскликнул: «Браво, дружище¹⁵!»

— Вместо того чтобы помочь больной женщине, лежавшей на авеню Альма, вы жестоко надругались над ней при содействии двух сообщников.

— Ложь.

— Почему же, когда приблизились стражи порядка, привлечённые криками потерпевшей, вы все трое обратились в бегство?

— Мы не хотели неприятностей.

— Каких именно?

— Выступать свидетелями.

— Свидетелями чего?

— Женщина утверждала, будто трое мужчин изнасиловали и ограбили её; поскольку нас было трое, она могла обвинить нас.

— Что она и сделала в отношении вас, единственного задержанного. Впрочем, вас легко узнать.

— Своё лицо не переделаешь, а моё похоже на лицо Смерти.

— При вас оказался стеклорезный алмаз, предмет подозрительный в ваших руках.

— Я не знаю такого инструмента. Агентам вздумалось заявить, будто он мой. Это неправда.

— Вы по-прежнему намерены скрывать своё местожительство и адреса сообщников?

— Теперь больше, чем когда-либо.

— Тогда мы ещё увидимся.

— Где же?

— В Маза, чтобы установить вашу личность.

Едва этот человек вышел, как вошёл мужчина лет сорока, с очень длинной чёрной бородой, насмешливыми глазами и лукавым видом.

— Будучи пьяным, вы оскорбляли стражей Булонского леса, которые подобрали вас в зарослях, а имя Сардина, которым вы называетесь, вовсе не ваше, господин Р... де ла Г...?

— Я действительно принадлежу к этому великому дворянскому роду, ставшему смешным в нынешнее время, когда все люди равны. Я проел своё состояние, вернее, чтобы быть точным, пропил его; а теперь странствую по жизни как философ.

¹⁵ Товарищ.

— Как бродяга, вооружённый беззубой расчёской, кусочком мыла в форме кошачьего язычка и маленьким осколком зеркала — принадлежностями странствующих бездомных.

— Позвольте напомнить вам, что общество делится на четыре категории: собственников, квартиросъёмщиков, людей, находящихся в поисках жилья, и консьержей. Я прошёл три первых разряда, и мне остаётся лишь воссесть на трон в каморке консьержа, а чтобы приступить к исполнению обязанностей, я дожидаюсь смерти кузины, которая меньше привязана к своему дворянскому титулу, чем оба моих дяди. Она обещала завещать мне дом при условии, что я останусь его верным сторожем.

— У вас забавные мысли.

— В високосные годы.

— Кроме этой воображаемой кузины, ваши родственники и слышать о вас не желают.

— Это старые любители гербов, которые хотели бы отправить меня ко всем чертям с тех пор, как я добавил на их герб — золотые перевязи в червлёном поле — штопор на лазоревом фоне: «Бутылочное дворянство», — сказал я им. Назвав меня пьяницей, они грубо выставили меня за дверь.

— Какой же смысл был тогда скрывать вашу личность, назвавшись Сардиной?

— Никакого.

— Признайтесь же, что по приговору исправительного суда минувшего 29 февраля вы были осуждены на тринадцать месяцев тюремного заключения за мошенничество и что к этому первому приговору прибавился второй — за злоупотребление доверием и присвоение описанного имущества.

— Я намерен обжаловать эти приговоры, ещё не вступившие в законную силу.

— Я вам это советую, и не забудьте, что год високосный.

Осуждённый заочно, вместо того чтобы шутить, удалился, опустив голову, и разминулся с почти безбородым счетоводом, обвиняемым в злоупотреблении доверием.

— Вы впервые попадаете сюда?

— Да, сударь.

— Каким образом вы истратили триста франков, похищенных у вашего хозяина?

— С прислужницами из пивных.

— Вам хватило одной ночи.

— Я угощал выпивкой всех, кто просил.

— Так поступает начинающий вор: деньги тяготят его, и он тратит их по-глупому. Первым делом он нанимает экипаж; вторым — подцепляет девушек; третьим — угощает женщин, кучера и завсегдатаев кабаков; четвёртым — даёт себя арестовать. Сколько вам лет?

— Девятнадцать с половиной.

— Постарайтесь избежать осуждения и с помощью семьи возместить убытки жалобщику, который после этого отзовёт свою жалобу. Ваши судьи примут во внимание вашу молодость и увлечение, сбившее вас с прямого пути; и, оказавшись на свободе, никогда не забывайте, что усердный труд позволяет избежать многих проступков, а после того как вы прошли под унижительным тюремным ростом, существует другой, который должен стереть это тягостное воспоминание, позволив вам с гордостью разделить общую жизнь солдата, и если вам выпадет такая честь, будьте достойны её своим поведением и поступками.

Провинившийся служащий достал платок, вытер глаза и попросил меня вмешаться в дело, поговорив с его отцом, почтенным земледельцем из Эрмона.

— Обещаю вам, — сказал я, — агент сейчас отправится к нему и привезёт его в течение дня.

Человеку, сменившему этого юношу, было тридцать пять лет; у него были широкие плечи, толстая короткая шея, на которой поворачивалась голова с резкими, энергичными чертами.

Он вошёл с яростным видом.

— Скажите мне ваше настоящее имя.

— Ну уж нет... никогда.

— Ваша профессия?

— Вор.

— Кажется, вы счастливы быть вором.

— Не жалуюсь.

— У вас нет постоянного жилища, и я считаю вас готовым на любые дурные дела.

— Я ночую в карре.

— Что это значит?

— Там, где нахожусь, когда меня видят.

— Вы хотите сказать: скрываетесь.

— Нет, ведь вот я перед вами.

— Поневоле, поскольку понадобилось четверо стражей порядка, чтобы доставить вас в участок после покушения на убийство мадемуазель Лазариль, служащей у супругов Толубати на улице Байиф.

— Увидев меня в своей пикюль¹⁶, она завопила, а поскольку я не люблю шума¹⁷, то, чтобы больше не слышать её голоса, я набросил ей на голову покрывало с её постели.

— К счастью для неё, сосед по комнате, чернорабочий, услышал её, прибежал и оказал ей помощь, пока вы, оседлав перила, с головокружительной быстротой спускались по лестнице. На втором этаже одна из ваших ног задела газовый светильник, и стеклянный шар, сорвавшись, разбился об пол, привлёк внимание консьержки и тем самым позволил вас схватить. Это было тем труднее, что, желая отвести подозрения жильцов и внушить им доверие, вы несли под мышкой адвокатский портфель, содержавший вместо судебных дел набор отмычек и ломиков «монсеньор».

— Этот портфель не мой.

— Почему же в момент ареста вы хвастливо заявили: «Похищая понемногу около ста тысяч франков из сундуков прислуги, эти инструменты, мои драгоценности, заставили плакать больше людей, чем Гиньоль сумел рассмешить»?

— Это я сказал, чтобы посмеяться над болваном-привратником, хвастливым болтуном и краснобаем, который, дожидаясь полиции, показывал на меня издали любопытным и повторял: «Мы держим его, этого зверя с человеческим лицом; он жаждет нашей крови!» Кретин прочитал эту фразу в тот же день утром в романе с продолжением, печатавшемся в «Пти журнал».

Взломщик дверей отверг определение «убийца» и ушёл, переваливаясь на ногах, таких же крепких, как его плечи.

В комнату для допросов, в свою очередь, вошёл молодой человек двадцати четырёх лет с удлинённым, выразительным и благородным лицом.

— А! Вот вы и здесь, — сказал я ему, не называя по имени.

— Да, сударь, и я счастлив, что могу вас поблагодарить.

— В котором часу закончился спектакль?

— Около часа ночи, но ваши агенты снова водворили меня в Депо. Господин Балланд придёт в Малый паркет, чтобы потребовать моего освобождения. Человек, из-за которого меня арестовали, совершил большую ошибку, о которой, я уверен, он ещё пожалеет.

— Какую? — спросил заинтригованный префект.

Лауреат Консерватории рассказал следующее:

¹⁶ Комната.

¹⁷ Шум.

— Вчера после полудня я рассматривал в галерее Вивьен фотографии артистов, когда какой-то человек с розеткой офицера ордена Почётного легиона в петлице обратился ко мне с обвинением, будто я следовал за ним и неоднократно позволял себе непристойно прикасаться к нему. «Я старый комендант, — кричал он, — и терпеть не могу грязных людей». Мне показалось, что этот человек не вполне владеет своими умственными способностями; между тем собиралась толпа, вмешалась полиция, и меня отвели в комиссариат на улице Ришельё, где я совершил ошибку, скрыв своё имя; но я видел, что моё призвание погублено, а жизнь разрушена.

Вечером в Третьем Французском театре, с которым я связан контрактом, должно было состояться необычное представление, и мне предстояло играть в «Горациях» вместе с талантливой трагической актрисой. Из Депо я написал господину Балланду, который после многочисленных хлопот сумел наконец к восьми часам вечера добиться моего выхода... под охраной двух агентов. Я надел костюм римского воина и вышел на сцену. Вместо публики перед глазами у меня стоял образ тюрьмы, а жестяной шлем, несмотря на свою лёгкость, казался тяжёлым на моей больной голове. Я чувствовал, что силы оставляют меня. Аплодисменты вернули меня к действительности. Тогда я забыл о своём тягостном положении и, посвятив себя искусству, отдал зрителям всё, на что был способен мой талант. В пятой сцене четвёртого действия меня ждал триумф; я придал рельефность и глубину роли молодого Горация и, с пламенем во взгляде, со шпагой в руке, преследовал свою сестру Камиллу, которая только что была возвышенна, произнося проклятия Риму. Повторяющиеся крики «браво» заглушили эту главную сцену, а когда занавес опустился, великая артистка обняла меня и сказала: «Дом Мольера откроет вам свои двери». Переодевшись в гражданское платье, я вернулся провести остаток ночи в камере.

— Величие и падение, — сказал улыбаясь префект и добавил: — Если ваш директор согласится взять на себя обязательство представлять вас по первому требованию правосудия, вас сегодня же освободят предварительно, и уже сегодня вечером вы сможете снискать новые лавры. Но впредь избегайте слишком долгих остановок перед витринами торговцев гравюрами; там можно встретить больше людей с болезненными страстями, чем отставных старших офицеров.

И шествие продолжилось. Это была настоящая процессия людей с характерными лицами, различными нравами и противоположным воспитанием; большинство старалось придать себе значительности особым способом объяснять, подробно излагать и подчёркивать поступки, ставшие причиной их заключения. Другие утверждали, что не имеют никакого отношения к различным приключениям, из-за которых их отправили в Депо; однако среди них находились профессиональные воры вперемешку с теми, кто сделал ремеслом попрошайничество и бродяжничество и кто составляет обычную мелочь в обращении пенитенциарных заведений. Там можно было увидеть и неисправимых пьяниц, подобных тому, который несколько раз выстрелил из револьвера в собственную тень, приняв её за злодея. Отскочившая пуля смертельно ранила сторожа одного из зданий на улице Сен-Жак, и этому рантье, ставшему убийцей, предстоит оплакивать свою вину в Маза.

Что касается лентяев, деклассированных людей без постоянного занятия, без определённого местожительства, без известных средств к существованию, неспособных совершить преступление или даже серьёзный проступок и предпочитающих есть и спать вместо того, чтобы трудиться, то они образуют целую армию, и эта зловередная армия насчитывает в департаменте Сены более пятидесяти тысяч человек. Половина происходит из провинции, а остальные двадцать пять тысяч родились в Париже и за границей. Во имя человечности они стучатся в двери благотворителей и остаются, словно имеют на это право, на дни, недели и месяцы в приютах. В конце концов им дают понять, что они незаконно занимают место, предназначенное для рабочих, которых продолжительная безработица довела до нищеты. Тогда в силу обстоятельств

они покидают благотворительные заведения и вновь начинают есть суп у входов в казармы¹⁸ и спать на скамейках прогулочных аллей или на откосах крепостных укреплений.

Самые дерзкие и наименее щепетильные укрываются в церквях, где, не испытывая уважения к святому месту, вольнодумцы обоих полов растягиваются на стульях, курят, плюют, справляют нужду и совокупаются¹⁹.

По слабоволию эта оборванная толпа, после того как она заполнила ночлежные дома и злоупотребила их гостеприимством, начинает влачить существование, переходя из тюрьмы в тюрьму, чтобы больше не заботиться о материальных нуждах жизни.

Полиция, подобно уличным подметальщикам, постоянно очищает улицы и каждый день, включая праздники и воскресенья, снова находит тот же сор, который отправляет в Депо, превратившееся в постоянный двор порока, разврата, нищеты и праздности²⁰.

Нельзя допускать, чтобы благотворительные учреждения и заведения, предназначенные для охраны общества, служили убежищем для бездельников и чтобы негласное помещение в Депо придавало такому положению официальный характер. Состав заключённых обновляется каждые двадцать четыре часа; за ним всегда любопытно наблюдать благодаря разнообразию людей, совокупность которых образует ряд поразительно выразительных документов самой жизни. Одни смеются, другие плачут, душевнобольные обоих полов возбуждённо мечутся, а дети забавляются.

— То, что вы мне сообщаете, и то, что я вижу, — сказал префект, — даёт мне основание утверждать, что система облав ради очищения Парижа (система, столь усердно пропагандируемая начальником муниципальной полиции) представляется мне порочной и позволяет комиссарам полиции отправлять в Депо под предлогом проверки мужчин и женщин, не имеющих никакой судимости. Сам принцип дурен, и последствия могут оказаться губительными. Вы только что допросили более сорока человек, захваченных во время облав, которые побывали здесь несчётное число раз, ни разу не подвергшись даже малейшему осуждению.

¹⁸ Известно, что солдаты различных частей парижского гарнизона сохранили благотворительный обычай раздавать по утрам и вечерам суп неимущим. Вчера, в половине двенадцатого, такая раздача происходила перед пожарной казармой на улице Севинье. Один из наших друзей, проходивший там, когда раздача уже заканчивалась, услышал, как один нищий, несомненно самый оборванный и самый жалкий из всей компании, поблагодарил по-латыни капрала и двух пожарных, уносивших огромный пустой котёл. Услышав от нищего: «Gratias, domini!», добрые пожарные, по-видимому, немало удивились; что же до латиниста в лохмотьях, он, казалось, едва ли не наслаждался их изумлением. Извлечение из газеты «Le Figaro», номер от 20 января 1889 года.

¹⁹ Извлечение из газеты «Le Soleil», номер от 7 января 1889 года. Осквернённая церковь. — Вчера утром, в шесть часов, ризничий церкви Сен-Жермен-л'Осерруа немало удивился, найдя в священном месте около тридцати человек жалкого вида, расположившихся под кафедрой вокруг отопительного прибора. Когда появился ризничий, между оборванцами вспыхнула ссора, поскольку некоторые из них, считая, что им достаётся меньше тепла, чем товарищам, попросту принялись ломать прибор. Ризничий подошёл и не без ужаса увидел, что шесть женщин лежат среди человеческого стада, копошащегося на коврах, наваленных вокруг отверстий, через которые поступает горячий воздух. Ризничий не мог удержаться от протеста против столь явного пренебрежения святостью места. Он обратился к бродягам с самыми резкими упреками за то, что они проникли в его церковь, провели там ночь и, особенно, за их совершенно непристойное поведение. Наконец он закончил свою речь предложением немедленно убираться, если они не желают быть арестованными. Бродяги лишь смеялись над угрозами ризничего, а когда тот стал настаивать на их удалении, один из них набросился на него и нанёс ему страшный удар дубинкой в левый висок. Хотя ризничий получил ужасную рану, он не растерялся. Добравшись до двери и не отвечая на нападение, он запер негодяев внутри и поднял тревогу, после чего отправился за медицинской помощью. Полицейские явились значительными силами и арестовали всю шайку, чем вызвали настоящую суматоху в церкви и её окрестностях. Всех этих злодеев, включая женщин, направили в Депо, где они найдут убежище, избавляющее их от необходимости по ночам вторгаться в здания, предназначенные для богослужения.

²⁰ Извлечение из «Le Petit Journal», номер от 26 декабря 1888 года. Директор Депо при Префектуре полиции только что пришёл к превосходной мысли. Он распорядился вывесить в канцелярии список всех общественных и частных ночлежных приютов, существующих в Париже. Таким образом, бедняки, арестованные за малозначительные правонарушения и отпущенные после непродолжительного предварительного заключения, больше не рискуют провести ночь под открытым небом из-за незнания, где искать кров. Директор Депо простирает свою доброжелательность даже до того, что предоставляет ещё одну ночь гостеприимства тем из этих несчастных, кому распоряжение об освобождении открывает двери Депо в такой час, когда все приюты давно переполнены.

Прокуратура и следственный судья, несмотря на огромную важность общественной безопасности, неизменно поступают к собственной чести, соблюдая закон. Поэтому судебные власти не могут преследовать людей, за которыми не числится ни преступления, ни определённого правонарушения. Теперь я не удивляюсь, что на другой день после облав три четверти задержанных отпускают на свободу. Несомненно, загородные дома, обчищенные лжеперевозчиками мебели, и кражи со взломом, совершённые с необычайной изобретательностью, — дело рук не этих людей. Я вынужден признать, что облава, это якобы средство против многочисленных преступлений, от которых страдают жители Парижа и его предместий, есть лишь временная мера. Следовательно, необходимо найти новый, более действенный способ действий, который успокоит жителей.

— Такой образ действий, — добавил директор, — лишь перемещает зло, отбрасывает его в другое место и без всякой пользы переполняет Депо, куда ежегодно поступает от 55 до 60 тысяч постояльцев обоих полов, а чтобы дать вам представление о повседневной работе, вот сведения о движении заключённых за первые семь дней месяца:

День
Принято
Освобождены Малым паркетом
Освобождены 2-м бюро и судьями
Переведено
Всего

1
 186
 56
 29
 126
 211

2
 134
 66
 20
 50
 136

3
 192
 67
 38
 108
 213

4
 197
 45
 52
 78
 175

5
219
62
25
91
178

6
233
53
37
105
195

7
215
66
24
110
200

Итого
1 376
415
225
668
1 308

Эта ведомость показывает, что из 1376 человек 640 вышли по распоряжению судебных властей и административной полиции, лишь 668 были переведены в Маза или Сен-Лазар, а над оставшимися 68 витает сомнение. Они составляют постоянный остаток этого склада.

— Злоупотребление отправкой в Депо без предварительного расследования, — сказал префект, — требует серьёзной реформы.

— Над этой реформой, — сказал я, — ваши предшественники трудились без успеха. То же произойдёт и с вашими преемниками, пока нынешняя организация предварительного заключения не изменит самых основ своего действия.

Если протокол полицейского комиссара служит отправной точкой судебного расследования, то можно сказать, что заключение в Депо становится первым серьёзным звеном неволи. Однако вы только что убедились, и не один, а двадцать раз, что пребывание в этом месте временного содержания и передача в распоряжение прокуратуры далеко не всегда предполагают тяжёлую вину задержанных.

В качестве примера я назову студентов, арестованных в день приведения в исполнение декретов против монашествующих; одних — за то, что они утром на улице Севр выкрикивали: «Да здравствует свобода! Долой тиранов!», других — за то, что в тот же день вечером на бульваре Сен-Мишель ради шутки провозглашали противоположные лозунги, а именно: «Долой свободу! Да здравствуют тираны!» Следуя обычному порядку, всех их отвели в Депо. Стоило ли в самом деле подвергать их участи преступников и нельзя ли было избавить их от этой

череды физических и нравственных мучений, последствия которых могли оказаться плачевными?

Полицейские комиссары, исполняя свою охранительную миссию, несут большую ответственность и, чтобы не совершить ошибки, тщательно рассматривают серьёзность правонарушений, вменяемых лицам, доставленным к ним. Они отбрасывают предположения, чтобы избавить невиновных, оклеветанных людей от жестоких испытаний предварительного заключения, сравнимых с остановками крестного пути. Их усилия слишком часто разбиваются о давнее зло, которое будет продолжаться до тех пор, пока полицейская префектура станет отдавать политическим делам лучшую часть своих сил; пока находящиеся в её распоряжении секретные фонды будут служить содержанию тайных агентов, призванных лгать, предавать, чернить честных людей; пока, наконец, её начальник будет считать себя вправе по собственному усмотрению решать, следует ли передавать правонарушителей прокурору Республики, и будет обладать властью приказывать подчинённым ему магистратам подписывать постановления об отправке в тюрьму²¹, большей частью основанные на министерской прихоти и применяемые в зависимости от часа, случая и обстоятельств.

Простите мою откровенность, господин префект, у неё есть весьма веские основания. За исключением завсегдатаев Депо, остальные заключённые, если только они не наделены удивительным душевным равновесием, в первые часы одиночества испытывают неопределённое ощущение. Слишком резкий переход от свободы к заточению, от шума к тишине действует на них. В камере, чей сводчатый потолок несколько напоминает крышку гроба, им кажется невозможным существовать, теснота заставляет их задыхаться, словно недостаёт воздуха; их мозг тяжелеет, зрение мутится, им чудится, будто они стали жертвами мрачной галлюцинации, и они испытывают смутный страх, удвоенный ужасной тоской. Как бы стойко они ни переносили боль и несчастья, редко случается, чтобы расстройство умственных способностей не вызвало возбуждения, толкающего их на крайнее решение; болезнь, безумие, самоубийство быстро делают своё дело.

Среди этих преждевременных могил я не собираюсь выставлять напоказ свою чувствительность; для полицейского место было бы выбрано неудачно, поскольку его неблагодарная роль состоит в том, чтобы очищать общество от всех вредных существ. Но всё же разве полиция не обязана застигать их, схватывать на месте преступления, чтобы затем бросать в первоначальное сцепление большой пенитенциарной машины, усложнённой многочисленными административными и судебными колёсами, которые действуют с бесстрашием механизма, устроенного так, чтобы заполнять скамьи исправительного суда и суда присяжных?

²¹ ПРЕФЕКТУРА ПОЛИЦИИ. Первое отделение. Париж, 18 июня 1879 года. Господин! В циркуляре от 16 января сего года мой уважаемый предшественник, справедливо заботясь об обеспечении уважения к личной свободе, направил вам следующие указания: «Во всех случаях незначительных правонарушений, совершённых лицом, местожительство которого известно, когда само расследование не представляет серьёзных трудностей, когда обвиняемый не угрожает общественному порядку и безопасности и его явка к правосудию кажется обеспеченной, вы должны оставлять его на свободе. В Депо тогда следует отправлять только обвиняемых в преступлениях или тяжких правонарушениях, нищих и бродяг, для которых предварительное заключение будет печальным, но необходимым условием общественной защиты». Я намерен сохранить эти предписания, делающие величайшую честь просвещённому разуму их автора. Однако необходимо предусмотреть исключение, когда речь идёт о сопротивлении или оскорблении полицейских агентов. После циркуляра от 16 января виновные в этих правонарушениях чаще всего освобождались после допроса у полицейского комиссара, если устанавливали наличие у них определённого местожительства. Вследствие этого агенты стали колебаться, арестовывать ли тех, кто их оскорбляет, а когда арест всё же производился, освобождение по приказанию полицейского комиссара воспринималось как порицание, вынесенное агенту, тем более чувствительное, что свидетелем освобождения обычно становилась толпа, следовавшая в комиссариат за арестованным после того, как видела его насильственные действия или слышала нанесённые им оскорбления. Я считаю, что общественный порядок и безопасность заинтересованы в быстром и строгом пресечении сопротивления и оскорбления полицейских агентов. Поэтому, если только совершённое не представляется вам совершенно незначительным, предлагаю направлять виновных в Депо, не останавливаясь перед соображениями об их местожительстве или общественном положении. Примите, господин, уверения в моём совершенном уважении. Депутат, префект полиции Л. АНДРИЁ. Господам полицейским комиссарам города Парижа.

Вместе с личной свободой исчезает и широкий дневной свет, полное освещение, и заключённые постепенно, переходя от одного этапа к другому, привыкают жить и нравственно, и телесно в серой атмосфере: всё начинается с полумрака полицейских комиссариатов, вскоре ещё больше сгущённого полумраком временных камер. Мало-помалу тьма становится плотнее; следует пребывание в арестантской карете, переход в Депо, Маза или Сен-Лазар, в Мышеловку, в кабинеты судей, в исправительный суд, в суд присяжных. Говорят и действуют во мраке, и мне случалось видеть людей, которые после трёх дней заключения уже не могли припомнить причину своего пребывания в камерах; другие же в минуты ужаса признавали и исповедовали вымышленные проступки.

Для нарушителей дисциплины и бунтовщиков карцер остаётся погружённым во тьму. Что же касается приговорённых к смерти, то, покидая тюрьму Ла-Рокетт, они видят зарождающийся день лишь затем, чтобы вновь погрузиться в вечную ночь под ножом гильотины.

III

МАЗА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Образцовая тюрьма. Свобода, равенство, братство. Изысканная пища. Тюремная похлёбка. Официальная надпись. Стеклопанель ротонды. Галереи. Камеры. Прогулочные дворы. Богослужения. Работа. План тюрьмы и её камерная система. Полковник Маза. Подследственные. Осуждённые. Библиотека. Мелкое мошенничество. Перчаточник. Золотые монеты в свёртках. Обед со скидкой. Птица-Муха и Портос. Зизи-Пампан, Бек-де-Муль, Марш-Вит, Лаветт, Блондин-ла-Кокёз, Гар-а-Пуаль, Грен-де-Сель. Запах полицейского. Прощание с Мазы. Побег. Забавные воспоминания. Язык цветов. Призывная комиссия. «Бабочники». Торговля перепиской. Физиология сутенёров. Как ими становятся. «Рукены». Биби-Митё. Бывший префект. Королева феерий. Театральные грешницы. Племянник своего дяди. Сын из хорошей семьи. Английские проститутки. Звезда оперетты. Сводничество и политика. Семейство артистов. Бра-де-Сенду. Гро-Зефир. Содержанки. Искатели трюфелей. Откровения сутенёров. Провинциальные актёришки. Певцы. Гимнасты. Укротители. Парикмахеры. Биржевые маклеры. Деловые посредники. Лесбиянки. Писташ. Обманщики. Капсюль. Пороки. Мужской разврат. Газовый рожок. Пепетт. По-де-Сатен. Содомиты. Ла-Саки. Маленький Иисус. Шантаж. Носовой платок. Писсуары. Носки и чулки. Виконт и виконтесса. Драгоценность. Безумная. Маленькие семейства. Модисты-мужчины. Бани. Любопытные типы. Разоблачительные отверстия. Эксгибиционисты. Люди с болезненно извращёнными страстями. Башни Нотр-Дам. Ботанический сад. Настоящий граф между двумя служащими похоронного бюро. Ужасная смерть. Убийца-алкоголик. Мёртвая голова. Бумажные коготки. Фальсификатор с орденом. Преступник или сумасшедший. Полковник браконьеров. Браконьерство и его уловки. Центральное общество охотников. Дичь господина Тьера.

В 1838 году в Париже насчитывалось двадцать гражданских тюрем и две военные; большинство из них помещалось в старых монастырях, где заключённые содержались без различия категорий. Сегодня распределение их по категориям стало почти правильным. Обвиняемый, которого случайное отступление сбilo с прямого пути, благодаря новой организации меньше соприкасается с закоренелыми и испорченными рецидивистами. Несмотря на этот прогресс, пенитенциарный вопрос остаётся и ещё долго будет оставаться великой задачей, которую предстоит решить. Не следует видеть в тюрьмах места, предназначенные лишь для наказания и изоляции; есть и главная нравственная идея: возвращать к добру, не давать злу повторяться. Именно поэтому нам показалось интересным представить положение карательных учреждений департамента Сены, на который приходится наибольшее число заключённых. В нём имеется восемь тюрем, способных вместить как в отдельных камерах, так и в общих спальнях от девяти до десяти тысяч обвиняемых, подследственных или осуждённых.

Мы описали Депо и его отделение, Мышеловку, которые можно считать прихожими тюремного заключения; нам остаётся проделать то же самое в отношении Маза, Ла-Санте, Сент-Пелажи, Сен-Лазара, Консьержери, Большой и Малой Рокетт.

У Маза были поклонники, называвшие её образцовой тюрьмой, но практика и опыт вскоре обнаружили её неисправимые недостатки.

Прежде чем войти внутрь, бросим взгляд на её наружный вид.

Первая стена из жернового камня имеет восемь метров в высоту, и её прочность выдержит любое испытание. Единственный вход на бульваре Дидро обращён к платформам отправления поездов железной дороги Париж — Лион — Средиземное море. Дубовая дверь, укреплённая железной арматурой, усеяна крупными гвоздями с широкими шляпками и обладает такой прочностью, что лишь пушка могла бы одолеть её. Над дверью, на арке свода, украшенной национальным флагом, красуется республиканский девиз: «Свобода, равенство, братство». Волшебная формула, с помощью которой французский народ вечно будет позволять вести себя за собой. В этом месте свобода оборачивается жестокой иронией: перед глазами заключённых только решётки, замки, окошечки и засовы.

Равенство — невинная приманка! Может ли существовать равенство в век, когда процветает покровительство? Короли денег, мошенники, фальсификаторы, нечистые на руку финансисты, сутенёры высокого полёта зимой носят в камерах штаны со ступнями и кутают свою драгоценную особу в мягкие домашние халаты. Эти обвиняемые заказывают с воли изысканные яства, среди которых устрицы, дыни и дичь, причём всё это запивается превосходными винами. Их стол сервирован полностью, кофе и сигары великолепны. Рядом с ними другие заключённые, которых дурная мысль, нередко порождённая нищетой, направила на путь зла, получают лишь тюремную баланду — таково принятое название. Миска, деревянная ложка, кружка и жестянка с водой заменяют им тарелку, вилку, стакан и бутылку вина.

Власть золота ощущается в тюрьме столь же сильно, как и в обыкновенной жизни; люди, располагающие средствами, пусть даже чужими, могут значительно смягчить строгости дисциплины; и только несчастных, у которых нет ничего, ни семьи, ни друзей, действительно приходится жалеть.

Что до братства, последнего слова девиза, то оно остаётся последним словом и ничем более, поскольку свобода и равенство здесь мёртвые буквы, и не в тюрьмах предстоит ещё встретить справедливость и истину восторженным почитателям республиканского строя.

Прохожие удивляются, читая эти три слова: «Свобода, равенство, братство», начертанные под дюжиной длинных узких отверстий, подобий бойниц, устроенных для того, чтобы из укрытия стрелять по нападающим.

На фронте Маза высечена казённая надпись: «Тюрьма предварительного заключения и исправительного камерного содержания».

Дверь, которую мы только что описали, скрывает огромную решётку, открывающуюся лишь для пропуска арестантских карет и повозок поставщиков. Персонал и посетители входят и выходят через караульное помещение дежурных надзирателей. Миновав его, попадаешь в обширный двор. Справа виден павильон, достаточно просторный, чтобы служить караульным помещением для пехотной роты. Днём и ночью часовые ходят по дозорной дорожке, невидимой ни публике, ни заключённым, поскольку она проложена между наружной и внутренней тюремными стенами. Первая стена имеет восемь метров высоты, вторая — шесть; она охватывает главное здание и соединяется с ним.

В случае бунта дверь, скрытая на дозорной дорожке, позволяет ввести прямо в самое сердце тюрьмы, минуя официальный вход, столько солдат, сколько потребуется для восстановления порядка. Проходя через вестибюль, оставляешь справа канцелярию, кабинет и квартиру директора, а также комнату, где заключённые ожидают оформления тюремной записи. Наконец попадаешь в большой круглый зал, за которым находятся пять тщательно запертых дверей.

К этому залу подходят шесть галерей, находящихся под наблюдением старшего надзирателя, который сидит в застеклённой ротонде посреди круглого пространства. Эта ротонда служит ему кабинетом. Оттуда его взгляд охватывает все камерные корпуса, и, просто поворачиваясь на месте, он надзирает за подчинёнными и следит за ходом службы.

Каждая галерея шириной в четыре метра образует отделение, содержащее двести расположенных друг над другом камер. Камеры первого и второго этажей выходят на продольные балконы, устроенные на выступающих опорах; они занимают мало места и сделаны так, чтобы не мешать ни обзору, ни надзору. Из тысячи двухсот камер тысяча сто семнадцать служат для заключения, остальные восемьдесят три, частью разделённые надвое, предназначены для общих нужд, включая столовую лавку, аптеку, бани, помещения для обеззараживания одежды и комнаты свиданий адвокатов с их клиентами.

Обычная камера имеет три метра шестьдесят сантиметров в длину, один метр девяносто пять сантиметров в ширину и два метра восемьдесят пять сантиметров в высоту. Её общий объём составляет двадцать кубических метров. Задняя стена имеет толщину семьдесят пять сантиметров, а разделительные — тридцать пять. Днём она освещается окном с рифлёнными матовыми стёклами, которые не позволяют видеть ничего снаружи и одну половину которых, единственную подвижную, заключённый открывает с помощью железного стержня. Меблировка каждой камеры состоит из гамака, поднимаемого днём, с завернутым в него матрасом; простыни и одеяло складывают и кладут на полку над дверью. Стол прикреплен к стене, а стул удерживается цепочкой, достаточно длинной, чтобы его можно было передвигать, но не позволяющей заключённому наносить удары. Небольшая берёзовая метла служит для поддержания чистоты, а благодаря системе вентиляции сиденье отхожего места не распространяет запаха.

Летом в шесть часов, зимой в семь звонит колокол; заключённый разбирает постель, убирает камеру и получает воду и хлеб на весь день; в восемь часов раздают суп, в три часа подают еду, а в восемь часов ложатся спать. Обходный надзиратель закрывает газовые рожки. Дверь камеры открывают только для входа и выхода заключённого. Пищу ему подают на дощечке окошка, открываемого снаружи и устроенного в сплошной дубовой двери неподалёку от глазка — отверстия величиной с двадцатисантиметровую монету, позволяющего надзирателям всё видеть, оставаясь невидимыми.

Съестные припасы доставляются с кухни посредством небольшой подземной железной дороги. Подъёмником тележки доставляют на уровень различных этажей, и они механически становятся на железные опоры балконов, которые тогда служат рельсами; благодаря такому устройству раздача пищи производится легко и быстро.

На участках земли, представляющих собой своего рода треугольные дворы между галереями и внутренней стеной, находятся садики, предназначенные для директора и письмоводителей, а также пять прогулочных дворов, каждый из которых разделён на двадцать дорожек для прогулок, сходящихся к возвышенной наблюдательной будке, где стоит надзиратель. Одного взгляда ему достаточно, чтобы обозреть всех гуляющих поодиночке. Направляясь к прогулочным дорожкам и возвращаясь оттуда, заключённые никогда не видят своих товарищей по неволе.

Таким образом устраняется всякая возможность обмениваться словами или знаками. Прогулка продолжается для каждого по одному часу; её прерывают во время раздачи пищи, по понедельникам и пятницам — в дни свиданий, и по воскресеньям во время мессы.

Этими прогулками между четырьмя стенами пользуются почти исключительно вновь прибывшие, желающие осмотреть тюремные помещения; удовлетворив своё любопытство, они испытывают непреодолимое отвращение и больше не хотят покидать камеру.

Больных может посещать врач, а его предписания выполняются в лазарете учениками фармацевтов.

По воскресеньям в девять часов утра и в четыре часа пополудни совершаются богослужения; часовня занимает площадку застеклённой ротонды, то есть центральную точку Маза. Все заключённые, оставаясь невидимыми друг для друга, могут видеть и слышать священника, совершающего службу, через приоткрытые двери камер, удерживаемые железным прутком, вставленным в приготовленное для этого гнездо. Службу поют заключённые под звуки органа, на котором играет один из них.

В Маза самоубийств следует опасаться больше, чем побегов и бунтов.²²

Работа не только не обязательна, но её недостаточно даже для осуждённых. Немногие разрешённые промыслы доступны и самым несообразительным людям, которые могут, зарабатывая от 25 до 50 сантимов в день, окантовывать пуговицы, изготавливать цепочки, очищать овощи и брошюровать тетради для учеников начальных школ. В начале этих тетрадей помещены образцы чистописания, и заключённые нередко добавляют к ним непристойные строки и рисунки.

Проект и план Маза были задуманы и осуществлены под влиянием новых идей, пришедших из Соединённых Штатов. Ими обязаны господам Гюставу де Бомону и Алексису де Токвиллю, состоявшим тогда членами тюремной комиссии.

Чтобы составить себе более или менее точное представление об этой тюрьме и её камерной системе, можно вообразить громадное колесо, положенное на землю. Внутренняя ограждающая стена образует обод, с которым соединяются длинные галереи, похожие на спицы и сходящиеся к круглой площади — своего рода ступице, где возвышается киоск, увенчанный алтарём.

Работы под руководством архитекторов Леконта и Жильбера начались в 1841 году на обширных земельных участках вдоль бульвара Маза, который ныне, с 16 августа 1879 года, называется бульваром Дидро.

Полковник Маза, славно павший на поле Аустерлицкого сражения, едва ли предполагал, что публика назовёт его именем тюрьму.

Строительство шло медленно и закончилось лишь около 1849 года.

Всё обошлось в пять миллионов.

В ночь с 19 на 20 мая 1850 года прибыли 700 заключённых с улицы Руа-де-Сисиль, где находился старинный особняк герцогов де Ла-Форс, превращённый в тюрьму в 1780 году. Так состоялось открытие учреждения, известного под названием «Маза».

Режим изоляции здесь обязателен, поскольку тюрьма камерная, и её директор должен принимать только три категории заключённых: 1) подсудимых и обвиняемых в исправительных правонарушениях; 2) осуждённых к заключению на один год и менее; 3) осуждённых к заключению на срок более года, которым министр внутренних дел разрешил отбывать наказание в Париже. Ни один обвиняемый не может содержаться здесь без особого ордера, исходящего от следственного судьи. Исключений не делается ни для кого.

Эта тюрьма, самая обширная из парижских, всё ещё слишком мала, поскольку вместо 1117 заключённых в ней всегда содержится от 1200 до 1500.

Лица, заключённые по обвинению в убийствах, вооружённых грабежах или преступлениях исключительной тяжести, помещаются в особое отделение, в специальные двойные камеры шестого корпуса, куда запирают также несчастных, от которых опасаются самоубийства. Газ здесь горит всю ночь, и надзиратели принимают меры предосторожности, чтобы преступники не ускользнули от правосудия.

²² Двадцатилетний молодой человек Леон Эми, торговый служащий, уже несколько дней содержавшийся под предварительным следствием в Маза, покончил с собой при странных обстоятельствах. Едва надзиратель открыл дверь его камеры, расположенной в верхней галерее, как он перемахнул через перила и бросился головой вперёд на плиты первого этажа. Когда его подняли, он был уже мёртв; Леон проломил себе череп в нескольких местах. Это первый случай самоубийства такого рода, отмеченный в тюрьмах департамента Сены. (Февраль 1889 года.)

Каждая тюрьма имеет собственную библиотеку поучительных и нравственных книг. В Депо книги остаются занесёнными в каталог и хранятся в кабинете директора, а среди всех пенитенциарных учреждений библиотека Маза — самая значительная: в ней не менее семи-восьми тысяч томов, порученных заботам грамотного заключённого безупречного поведения. Особенно часто читают «Магазен питtoresк» и «Мюз де фамий». Из романистов любимым автором заключённых является Александр Дюма. Лица, портящие книги, несут за это ответственность. Превосходная мера, ибо я видел на полях, среди выражений, почерпнутых из словаря «зелёного языка» (арго), многочисленные непристойные рисунки и портреты.

На втором этаже справа, рядом с библиотекой, находится помещение, отведённое следственным судьям; оно освещается окном с решёткой, выходящим на дозорную дорожку. Именно в этой лишённой украшений комнате со стенами, покрытыми желтоватой краской, выясняются некоторые подробности крупных следственных дел; они проливают свет на тёмные стороны, устраняют недоразумения, обнаруживают то, что держалось в тайне, и наводят на след деяний гораздо более тяжких, нежели те, за которые люди были арестованы. Мелкие факты помогают объяснить крупные.

Около полудня, в день, назначенный префектом полиции, я прошёл через первые ворота Маза. Передав в канцелярию имена и фамилии лиц, которых прокурор Республики и судьи поручили мне допросить, я направился к застеклённой ротонде, где постоянно находился старший бригадир надзирателей. Он открыл ящик стола, служившего ему письменным столом, вынул ключ с ярлычком, передал его одному из надзирателей, который жестом предложил мне следовать за ним, и запер нас с секретарём в следственной комнате.

— Теперь, — сказал он, — в каком порядке нужно приводить к вам заключённых?

— Достаточно, — ответил я, — следовать указаниям, записанным в записке, которую я передал письмоводителю.

Несколько минут спустя надзиратель возвратился с человеком лет тридцати, среднего роста, с каштановыми волосами, чёрными глазами и длинной слегка рыжеватой бородой.

— У вас, — сказал я ему, — должны быть серьёзные причины так долго сохранять вымышленную фамилию Мартен?

— Не думайте. С тех пор как я вышел из коллежа четырнадцать лет назад, по совету нескольких товарищей я постоянно назывался Дюраном, Готье, Дюмоном; сегодня очередь Мартена, а выйдя из Маза, я намерен взять фамилию Лефевр. Под этими разными именами я пил в кабаке, ел в ресторане, танцевал на балу и ночевал в гостинице. Удивляюсь, что полиция меблированных комнат ещё не обнаружила моего последнего жилища, особенно при том, что у меня изъяли ключ с номером моей комнаты.

— За день и ночь, когда вас арестовали, вместе с жильцами исчезли тридцать два ключа с номером 4, и в этом нет ничего необыкновенного, если сравнить эту цифру с числом приездов и отъездов постояльцев, превышающим три миллиона за год, среди которых инспекторы отмечают более ста тысяч фамилий, подобных тем, какие вы себе выбираете.

Ни одно предписание не обязывает граждан записываться в меблированных гостиницах под своим настоящим именем.

Если бы этот прискорбный пробел был восполнен, это могло бы стать одним из лучших средств охраны общества. Честному человеку, в отличие от преступника, незачем скрываться.

— Я не тот преступник, каким меня считают.

— У вас его вид.

— Я протестую против своего ареста, потому что правонарушение, в котором меня обвиняют, не предусмотрено Кодексом.

— Вы глубоко заблуждаетесь.

— Хозяин ресторана должен был узнать во мне адвоката, он посоветовался со мной, и мои советы стоили больше его обеда.

— Это вопрос оценки, но он отрицает, что разговаривал с вами.

— Откуда же я узнал бы, что он ведёт дело о раздельном жительстве супругов? Я не прибегал ни к какой уловке, я признаю свой долг, который в данном случае может составлять гражданско-правовой обман, но не мошенничество, поскольку он согласился подать мне то, что я заказал.

— Заказывая этот обед, вы не имели возможности за него заплатить и сознавали это. Правонарушение несомненно, и закон устанавливает: «Всякий, кто, зная, что он не может расплатиться за выпитые напитки и съеденные блюда, подлежит преследованию согласно статье 401 Уголовного кодекса, предусматривающей кражи и мелкие хищения».

— У меня было два франка, он требовал четыре, и за сорок су меня осудят?

— Даже с большей строгостью, чем другого. Правосудие и полиция до доказательства обратного считают вас бродягой, лишённым средств к существованию.

— Ну так вот! Я не бродяга и не мелкий жулик, я занимаюсь «гривлери», а «гривлери» законом не предусмотрено.

— Ваше мнение достойно юриста с богатой фантазией, и я понимаю, почему, имея два франка, вы съели обед вдвое дороже. «Гривлери» состоит в извлечении небольших незаконных выгод, но она настолько близка к плутовству, что нашим судьям нетрудно спутать эти вещи. «Гривеле» — это старинное французское слово, которое вам понравилось, и вы извлекли его из забвения для данного случая.

— Это старинное выражение замечательно определяет то, что никогда не прекращало существовать, и я утверждаю, что сверху донизу общественной лестницы все без исключения занимаются «гривлажем».

— Вы на этом настаиваете?

— Не меньше, чем вы на желании узнать мою настоящую личность.

— Которую я сейчас вам назову. Мне нужно было, чтобы окончательно убедиться, заставить вас разговаривать.

По моему предложению секретарь прочёл следующий рапорт:

«Предписанное расследование относительно так называемого Мартена (Жозефа) дало следующий результат: под фамилиями Тома, Бернар, Мишель, Дюпре, Лоран он последовательно жил в гостиницах на улицах Мобёж, Рошешуар, де Мартир, д'Орсель и Вербуа. В действительности его зовут Гривлен (Эмиль), ему тридцать лет, и он, по-видимому, родился в Париже у родителей, происходящих из Бельгии. Обвиняемый не имеет постоянного занятия, поскольку его знали счетоводом, страховым маклером, разъездным торговцем вином, разносчиком фотографий и писцом при посредниках по делам. Из-за привычки к лени и невоздержанности он не смог удержаться ни на одной из этих скромных должностей, и единственным его средством к существованию остаются сто франков в месяц, присылаемые ему матерью, вдовой, живущей в Брюсселе.

Если названный Гривлен станет оспаривать точность этих сведений, его следует отвести в гостиницу на улице Дё-Гар, где до помещения в Маза он занимал комнату № 4, на что указывает ключ, найденный при нём».

Его прежние хозяева гостиниц дают следующее описание его наружности:

Рост — 1 метр 70 сантиметров.

Волосы каштановые, гладкие.

Глаза маленькие, формой напоминают петлицу пальто, что придаёт ему насмешливое выражение.

Нос с крупным хрящом, слегка изрыт следами оспы.

Челюсти резко очерчены.

Рот средней величины.

Губы мясистые.

Борода каштановая, немного рыжеватая.

Особые приметы: лицо ничем не примечательное, зубы, словно покрытые китайской тушью, уши, называемые слоновьими, длинные и без завитка по краю.

Этот хвастун со свободными манерами, рассуждающий о праве, справедливости и честности, легко поступился бы своей щепетильностью.

— Станете ли вы отрицать этот портрет, эту биографию? — спросил я Гривлена.

Он остался безмолвен.

— Отвечайте!

После минутного молчания я прибавил: — Ваши глаза, ваши зубы, ваши уши достаточно красноречиво свидетельствуют против вас, а выбранное вами прозвание «гривлёр» весьма показательно: вы произвели его от собственной фамилии, и поздравлять вас с таким созвучием, право, не за что.

— Признаю это и недоумеваю, как удалось настолько проникнуть мне под кожу.

— Благодаря случаю, этому всемогущему царю, перед которым склоняется полиция. Вчера я принимал вашу мать и осматривал вашу комнату.

— Моя мать в Париже?

— Вы увидите с ней завтра во Дворце правосудия. Не получая ответов на письма, посланные до востребования, она обратилась за содействием к префекту, полагая, что вы больны и лежите в больнице.

— Она не знала моего адреса.

— Как и мы; но своими указаниями она облегчила задачу инспекторам, а довершило её странное происшествие, потребовавшее моего личного присутствия в вашей гостинице. Неуверенные ответы хозяина, его смущение при моём появлении, затруднения, с которыми он открывал некоторые комнаты, навели меня на мысль осмотреть их все, и в комнате № 4 я изъясил принадлежащие вам бумаги. Они опечатаны и переданы вашему судье.

Среди них я задержал один документ, показывающий ваш характер и образ жизни; в нём вы объясняете, согласно своим принципам, разницу между воровством плодов с полей, подбором оставшихся после жатвы колосьев и сбором винограда, оставшегося после уборки, и заключаете, что мелкая пожива и «гривлаж» не только не являются прискорбным злоупотреблением, заслуживающим порицания, но осуществляют начало мечты экономистов: «Жить даром». Достаточно ли вы исковеркали статьи Кодекса, чтобы избежать их применения к себе?

— Я утверждаю, что вследствие небрежности хозяев и сметливости рабочих невозможно помешать портным, швеям и сапожникам взимать десятину с сукна, тканей и кож, которые им доверяют. Этот обычай существует в большинстве ремёсел, что исключает мошеннический умысел, и в подтверждение я приведу историю, случившуюся с моим приятелем, перчаточником, которая должна послужить примером. Хозяин дал ему кожу для изготовления пяти перчаток, а тот благодаря своей ловкости сумел изготовить шесть; с совершенно спокойной совестью он присвоил оставшийся материал, сдав, однако, условленное число перчаток. Действуя таким образом, он скопил несколько дюжин кож, которые, к несчастью, продал за ничтожную цену. Вмешалась полиция. Изъятые кожи предъявили хозяину, и он их опознал. Мой друг предстал перед исправительным судом и вышел оттуда оправданным.

— Всё равно это злоупотребление доверием.

— Не определённое законом.

— Потому я так его и называю.

— Вы, должно быть, прочли в изъятых у меня записях о неприятности, случившейся с приказчиком, который явился в главную кассу Министерства финансов, чтобы предложить обмен десяти свёртков по тысяче франков каждый, состоявших из двадцатифранковых монет, на свёртки такого же рода.

Он предлагал премию в пятьдесят сантимов за каждый свёрток. Удивившись этому предложению, монеты осмотрели, а затем взвесили; золото было доброкачественным, но каждому свёртку недоставало по весу пяти франков вследствие длительного обращения монет. Приказчика арестовали, ожидая прибытия его хозяина, банкира, который и объяснил эту маленькую уловку. Свои платежи в Америке он производил золотыми монетами, принимаемыми по весу; при каждом поступлении золота его кассир сортировал монеты; новые или мало бывшие в обращении отправлялись за границу, а старые, истёртые от трения, оставались во Франции, где нисколько не теряли своего номинального достоинства. Поскольку его свёртки содержали только лёгкие монеты, давно находившиеся в обращении, при обмене он был уверен, что получит более тяжёлые, не прошедшие отбора. Так как операция не имела ничего противозаконного, я посоветовал приказчику привлечь к ответственности виновников его ареста.

— Какой у вас был интерес?

— Досадить людям.

— Вы слишком легко забываете о своём иностранном происхождении, из-за которого вас вышлют. Сегодня утром ваша мать, вероятно, договорилась с ресторатором и заплатила ему за тот знаменитый обед, который вы хотели получить со скидкой; завтра она пойдёт к судье, который вынесет постановление о прекращении дела, и вы будете свободны. Советую вам уехать вместе с ней.

— Как иностранца меня высылают из Франции; как дезертира меня посадят в тюрьму в Бельгии; я отправлюсь жить в Швейцарию, эту подлинно гостеприимную страну.

— Она не лучше прочих; я только что оттуда, и на стенах, мостах, набережных, в садах и местах для прогулок видел одни лишь запреты всякого рода под угрозой соответствующих штрафов.

— Напоследок объясните мне причину вашего добровольного и продолжительного пребывания в Маза?

— Я люблю неожиданности; я ищу их, окунаюсь в них; это глупо, и мои причуды меня погубят. Проторённая дорога меня не привлекает, и я не испытываю никакого восторга перед отечеством, славой, величием, семьёй и религией. Если бы меня не высылали, я нисколько не сожалел бы о пребывании здесь, которое отчасти сам и вызвал. Париж я знаю, а эту тюрьму мне хотелось увидеть; за два франка я удовлетворил своё желание.

Благодаря моему подозрительному виду и полному молчанию меня приняли за крупного преступника, и восемь дней я пользовался двухместной камерой в обществе великана со злобным лицом и чёрной бородой, в груди которого билось чувствительное сердце; он плакал, говоря о жене и детях; меня трогали звуки его мягкого, чарующего, убедительного голоса, составлявшего странный контраст с его могучим сложением. Этот человек утверждает, что не курит и не пьёт, а между тем его обвиняют в похищении трубок и спиртных напитков с магазинных прилавков. Я считаю его жертвой полиции, если только он не честный человек, впервые совершивший дурной поступок.

— Этот великан, готовый в любую минуту расплакаться, — отвратительный рецидивист, который всю жизнь проводит в тюрьме; он сбывает за бесценок вещи, украденные им и его любовницей, столь же хорошо известной полиции нравов, как он сам — по судебным реестрам. Он над вами посмеялся.

— Вы меня удивляете, хотя я припоминаю, что он говорил мне, будто в первом отделении ему было лучше, чем в шестом; из этого я заключил, что всем заключённым приходится по очереди проходить через каждое отделение. Я и сам трижды менял камеры, а простая жизнь, которую здесь ведут, сделала меня изобретательным. Каждый день я записываю в книжечку меню, вполне заслуживающее такого названия, поскольку в нём не хватает дополнительных

блюды и десерты; я мастерю себе гребень из прутьев метлы, заостряю карандаш зубами, чищу одежду рукой, вода из «женьё»²³ служит мне зеркалом, а за отсутствием носового платка мои...

— Понятно... Вы довольны, что почти месяц прожили за счёт налогоплательщиков. До свидания, господин Гривлен.

Уходя, этот тщеславный паразит встретил инспекторов сыскной полиции Колибри и Портоса, которые вели с призывной комиссии Зизи-Пампана, своеобразный тип, к счастью, не имеющий себе подобного и по праву занимающий место в галерее преступников. Он хотел поговорить со мной, прежде чем его снова водворят в тюрьму.

— Чего вы желаете? — спросил я.

— Подняться на Триумфальную арку, и два часа спустя вы сможете схватить Бек-де-Муля, Марш-Вита и Лаветта, моих сообщников, от которых я нынче намерен избавить честных людей. Они неблагодарны, забывчивы; воспользуйтесь моим предложением, завтра будет слишком поздно.

— Я уже потакал многим вашим причудам. Вам хочется выходить то в экипаже, то пешком, а ещё чаще — в домашних туфлях, с непокрытой головой, засунув руки в карманы и не будучи связанным.

Ваша цель очевидна; вы не только не скрываете её, но и говорите, что вскоре товарищи узнают о вашем побеге. Поскольку у всякого арестанта одна мысль — бежать, я подвергаю опасности собственную ответственность и ответственность моих подчинённых, когда под предлогом разоблачений приходится возить по городу и даже за город такого... ловкача, как вы. Однако я не могу довести снисходительность до того, чтобы усадить вас на диван в отдельном кабинете. Вот перечень ваших выходов за последнюю неделю: в понедельник — посещение Центрального рынка; во вторник — партия в бильярд; в среду — обед из жареного картофеля; в четверг — прогулка в Венсенском лесу; в пятницу — ужин в Пале-Рояле; в субботу — экскурсия на кладбище Пер-Лашез, а в воскресенье — кадрили на балу на улице Гете.

— Мои разоблачения точны, и результаты это доказывают. На Центральном рынке вы нашли Блондинку, «кокёз» (доносчицу), которую мы связали, заткнули ей рот и изнасиловали в повозке земледельца из Аржантёя. Играя в бильярд, я выдал нашего «фурга» (скупщика краденого). У торговца жареным картофелем обнаружили повозку, похищенную у винокура; что до лошади, её давно съели. В Венсенском лесу я отвёл агентов к месту, где были спрятались предъявительские ценные бумаги старика, охваченного страстью, которому трижды всадил нож Гар-а-Пуаль, чья отвратительная физиономия имеет то достоинство, что так нравится уличным девкам. В ресторане Пале-Рояля по моим указаниям вы проследили за двумя похитителями пальто, которых в тот же вечер взяли на выходе из кафе «Фронтен». В часовне Пер-Лашеза я сознался в кражах со взломом из пригородных церквей и показал склеп, служивший нам несгораемым шкафом. Наконец, вчера, в воскресенье, на балу Градо я танцевал визави с Грен-де-Селем, моим сообщником, который держал за «гавьо» (горло) старую рантё с улицы Шаронн тем утром, когда я шарил у неё под юбками, чтобы поближе познакомиться с мешочком её сбережений.

— Бедная женщина умерла.

— Три недели спустя, после падения на улице.

— Вы промотали её деньги в кабаках?

— Вовсе нет. Я сказал Грен-де-Селю: утверждают, что путешествия меняют и воспитывают молодёжь. Поедем в Ниццу, флердоранж успокоит наши волнения, мой нос, не лишённый чутья, улавливает запах легавых, а воздух там будет здоровее здешнего. В восемь часов мы спускались по лестнице с богатством старушки; в девять, в кабаке у Бастилии, ели устриц, запивая их сотерном. В десять часов, одетые по последней моде, мы на Лионском вок-

²³ Сосуд для умывания.

зале приподняли наши «галюрены» (шляпы), сказав: «Привет тебе, Маза!», и, взяв билеты с правом остановок по пути, около полудня экспресс высадил нас в Фонтенбло пообедать. До самой Ниццы мы выбирали для развлечений и ночлега гарнизонные города, где разгуливают девушки, охочие до развлечений, и на проедание двух тысяч франков нашей жертвы у нас не ушло и пятнадцати дней.

Вы говорили о побегах, господин начальник; я готовлю собственный, не зная, где и как он состоится; я усложняю следствие, пичкаю его преступными деяниями, вовсе не вымышленными, из которых полиция и правосудие извлекают пользу, и, поверьте, вовсе не находясь в руках агентов, я попытаюсь вернуть себе свободу. Это пошлое средство, лишённое оригинальности, не сделало бы чести моей изобретательности. Родившись с даром к хитроумным замыслам, я хочу, по примеру птиц, пренебрегающих стенами, перелететь через них. Однообразие многих дней, проведённых в камере, даёт терпение — единственную добродетель преступников, которой никто не может их лишить.

— Вы составляете планы, преодолеваете препятствия, рискуете жизнью, а когда наконец оказываетесь на свободе, то лучшее применение столь дорого добытой свободе находите в том, чтобы позволить снова себя поймать с наивностью школьника, пьющего свою первую кружку пива в пивной с девицами.

— Всякий настоящий вор питает страсть к красивым женщинам, благодаря которым жизнь становится желанной.

— Признайтесь же, что вами властвует и вас губит гордость; вам необходимы звания, прозвища, и в этой связи скажите мне, откуда взялись клички Зизи-Пампан, Бек-де-Муль, Марш-Вит, Лаветт и Грен-де-Сель, составляющие ваши особые имена?

— От определённых поступков, от забавных воспоминаний. Зизи-Пампан означает человека смелого, быстрого, решительного: «зизи» — я вхожу; «пампан» — я быю. Бек-де-Муль обязан своей кличкой неправильным чертам лица и особенно рту, который словно доверяет тайны ушам; когда он смеётся, рот его напоминает зевающую мидию. Марш-Вит ходит, как такса: у него широкие плечи, короткие ноги, он страстный охотник и, никогда не торопясь, всегда поспевает вовремя. У Лаветта такой длинный язык, что он служит ему для вылизывания тарелок; а Грен-де-Сель завершает свои речи солёными словечками.

— Грен-де-Сель арестован?

— Да, господин начальник, — ответил Колибри, — я подобрал его сегодня утром на авеню дю Мен у девицы Флажолы, и слово, которое он произнёс, увидев меня, было бы трудно переложить в стихи. Он тоже хочет «колоть сахар» (доносить), и главный инспектор держит его в распоряжении господина начальника в помещениях Сюртэ.

— Вы вместе с вашим товарищем Портосом удовлетворите новое желание, высказанное Ренаром по прозвищу Зизи-Пампан, и распорядитесь так, чтобы в восемь часов подъехать за мной на экипаже к моему дому.

Оба агента удалились, и Зизи-Пампан поблагодарил меня, сказав:

— Несмотря на мои планы побега, вы мне доверяете; что ж, мы отправимся вовсе не на Триумфальную арку, а в тайный подвал пивной, и сегодня к семи часам вечера вы будете довольны.

Когда дверь комнаты для допросов закрылась, я сказал своему секретарю: — Этот малый, серьёзно поссорившийся с правосудием, непременно попытается бежать, но зачем он оттягивает своё положение, помогая схватить сообщников?

— Он намеренно продлевает своё пребывание в тюрьме, надеясь улучшить благоприятный случай для осуществления своего побега. Бек-де-Муль, Марш-Вит и Лаветт позволят нам выяснить, какую роль он играл в этой небольшой шайке, которая, по-видимому, методично и последовательно занималась вымогательством и кражами, осложнёнными убийством, ибо если

старая женщина с улицы Шаронн осталась жива, то лишь потому, что живуча, как говорит Ренар.

— Подобные шайки, ставшие редкими и даже считавшиеся исчезнувшими, вновь образуются, и их ряды пополняет образованная, умная молодёжь обоего пола, прекрасный образчик которой представляет Зизи-Пампан.

Колибри следит за ним, наблюдает за ним и считает его главой шайки преступников, к которой, вероятно, принадлежит его любовница, занимающая все его мысли. Он ревнует её, хочет отомстить товарищам, и за всем этим скрывается тайна, в которой замешано человеческое сердце. Следующие факты это доказывают: во время выездов, необходимость которых он обосновывает, указывая места, куда собирается отправиться, агенты не раз видели, как он поднимал с тротуаров растения и цветы, не свежие и не душистые, а искусственные, которые затем старательно выбрасывал на мостовую. Колибри распознал жимолость, папоротник, ромашку, веточку боярышника и веронику. Эти растения и цветы отмечают путь женщины и имеют свой символический смысл: жимолость обозначает нежную привязанность, папоротник внушает доверие, ромашки — покорность, боярышник — надежду, а вероника — счастье.

Уходя, Колибри передал мне следующую записку: «Ренар, выйдя из призывной комиссии, захотел пройти через сад Тюильри, чтобы подобрать на террасе у реки моховую розу, о которой знал, что она там будет; не заметив в этом цветке ничего подозрительного, кроме его значения на языке цветов (высшая любовь), я вернул розу заключённому, и вот что он сказал: „Это отрада для моих глаз, радость для моего сердца“».

— Этот сентиментальный вор неизбежно плохо кончит.

— Какой прекрасный солдат из него вышел бы!

— Его приняли?

— Без замечаний.

— Работа призывной комиссии должна быть уже закончена?

— Да, сударь, и в нынешнем году есть причины жаловаться на заключённых, доставлявшихся на комиссию; несколько человек попытались бежать по сговору со своими родными и друзьями, которые явились будто бы из любопытства к окрестностям Дворца промышленности. Так, некто Кайю стремительно бросился к группе негодяев, которые, увидев его, закричали: «Освободим его! Бей легавых!» С помощью полицейских стражей, предусмотрительно расставленных от дворца до моста Согласия, агенты одержали верх. Кайю снова водворён в Ла-Рокетт.

— Сколько молодых людей признали негодными к службе?

— Из ста восьмидесяти двух подлежащих призыву тридцать признаны негодными, а семнадцати предоставлена отсрочка. Сто сорок три родились в департаменте Сены и двадцать девять — в провинции. Маза направила шестьдесят два человека, Ла-Санте — пятьдесят семь, Сент-Пелажи — тридцать восемь, Ла-Рокетт — двадцать одного, а Депо — четырёх. Это даёт печальное представление о нынешней молодёжи. Попытки побега исходили главным образом от рецидивистов, временно содержащихся в Ла-Рокетт.

— Надзиратель, предоставленный в моё распоряжение, всё не возвращается; не прибыл ли префект? Пока что подайте мне дело этих мошенников, прозванных «папильонёрами», которые облюбовали повозки прачечных.

Едва я произнёс эти слова, как послышались торопливые шаги, дверь библиотеки внезапно распахнулась, окно хлопнулось, и я услышал обращённые к заключённому библиотекарю слова: «Внимание, вот префект». Вместо того чтобы войти, он направился в соседнюю комнату для допросов, которая, как известно, примыкала к помещению для хранения книг, поблагодарил сопровождавшего его директора и попросил оставить его наедине с начальником Сюртэ.

Надзиратель появился вновь. Он принёс стул, который предложил мне взамен того, на котором уже сидел префект, и пригласил меня продолжать допросы.

— Приведите Гниасса! — сказал я сторожу.

Вошёл маленький старичок; его хорьковатое лицо, косые глаза и поношенная одежда придавали ему вид ростовщика самой низкой руки.

— Вы торгуете исключительно бельём, полученным от краж, а ваша жена, узнав о вашем аресте, исчезла.

— Она покончила с собой, бедная моя голубушка.

— О нет, потому что она позаботилась захватить деньги, ценные бумаги и драгоценности.

— Я признаю её предусмотрительность и благодарю вас за эту новость; я один виновен и хочу, чтобы меня поскорее судили.

— Тогда назовите ваших сообщников!

— Каких именно?

— Тех, кто приносил вам подозрительный товар.

— Не зная, где они живут, я мог сообщить судье лишь их приметы. Должно быть, они обитают в окрестностях Парижа и знают повадки владельцев крупных прачечных. Их нелегко будет поймать, поскольку из-за огласки в печати подобные кражи прекращаются, чтобы в определённое время, целыми сериями, возобновиться, когда вокруг них всё утихнет.

— Как совершаются эти кражи?

— Двое людей, которых называют «бабочками», действуют по соглашению: первый крутится возле повозки и рассматривает написанные карандашом буквы, обозначающие на каждой свёртке грязного белья инициалы его владельца.

Когда свёртки уложены в повозку, прачечник и его жена отправляются к клиентам и, из соображений экономии, чаще всего поручают охранять повозку молодой девушке. Этим пользуется вторая «бабочка», которая, в какое бы время года это ни происходило, всегда является в одной рубашке, без головного убора, с видом соседа и говорит ребёнку: «Я только что видел твоего отца, дай мне свёртки с пометками J.-D. и G.-M. Здесь допущена ошибка». Ребёнок, у которого перед глазами свёртки с названными буквами, без всяких подозрений отдаёт их.

Две хорошо натренированные «бабочки» могут за день похитить от двадцати до тридцати свёртков; затем они, не торопясь, снимают метки, стирают и гладят это бельё, изменяя его до неузнаваемости, чтобы без опаски перепродать на рынке Тампля или на рынках бывших предместий с потерей от пятидесяти до семидесяти пяти процентов его действительной стоимости. Мужские рубашки отдают по пятьдесят и шестьдесят сантимов за штуку, а дамастовые салфетки — по три франка за дюжину.

— Знаете ли вы происхождение слова «папильонёр»?

— Прачечники и те, кто их обкрадывает, подобно бабочкам, прилетают из деревни, а их крыльями служат свёртки белья, которые они несут на плечах.

— Благодарю вас.

Гниасс удалился, и надзиратель ввёл бывшего кондуктора, привлечённого к ответственности за злоупотребление доверием.

— Господин Кларк, — сказал я ему, — начальник персонала Всеобщей компании омнибусов, по рекомендации правления, был бы готов отозвать свою жалобу, если бы вы согласились назвать человека, передавшего вам поддельный ключ, которым открывают счётчики в вагонах.

— Я нашёл его в воскресенье перед моим арестом.

— Ложь слишком груба; за вами следили уже два месяца, чтобы поймать вас с поличным. Вы манипулировали счётчиками так, чтобы уменьшать число пассажиров, севших в омнибус и отмеченных звонком на пути от Аустерлицкого моста до моста Шарантон. Уменьшая выручку, вы заметно увеличивали своё жалованье. Господин Кларк говорит о сумме не менее десяти франков в день.

— Он ошибается.

— Прежде вы уже, как неверный служащий, по соглашению с товарищем занимались мошенничеством, именуемым «пересадочными билетами».

— В чём оно заключается? — спросил префект.

— Два кондуктора омнибусов разных линий останавливают свои вагоны под предлогом размена денег, а в действительности обмениваются заранее проштемпелёванными пересадочными билетами. Пассажиры, официальные и тайные контролёры ничего не замечают. В соответствующем бюро кондукторы подкладывают поддельные билеты к настоящим, то есть к тем, которые пассажиры предъявили вместе с порядковыми номерами.

— Я не вполне понимаю саму операцию.

— Она проста: из десяти пассажиров шесть имеют пересадочные билеты, следовательно, четверо оплатили проезд. Тогда кондуктор подкладывает ещё два пересадочных билета к тем, которые получил, и передаёт всё контролёру, который пересчитывает их и пробивает в ведомости цифру восемь. Таким образом, под прикрытием контролёра кондуктор оставляет себе плату за два места, то есть шестьдесят сантимов.

— При новой системе контроля это мошенничество исчезло, — ответил кондуктор, — и если господин Кларк от имени членов совета письменно обязуется прекратить всякое преследование против меня, я укажу человека, изготовившего несколько поддельных ключей, подобных тем, которые были найдены у меня.

— Где вы с ним познакомились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.